

Эпизоды из моей жизни

Содержание

Предисловие	3
Моё еврейство	4
Начало осознания (1946-1953)	4
Указ Сталина	6
Десятый класс; забастовка (1955-1956) ..	9
Серебряная Медаль	14
Университетские годы	17
Дайте пощупать ваши рожки	18
Окончание университета	19
«Распределение» на работу	20
Ещё один небольшой эпизод	23
Черноголовка, 1967 год	24
Последствия этой удивительной войны ...	27
Заседание у Брежнева	29
Заседание Политбюро, 1973	30
Эмиграция, 1973	34

Наконец Израиль!	36
Начало жизни в Израиле (1973-1978)...	39
Эмиграция (из «Короткие истории»)	45
Истории, связанные с Армией (1975 – 1982)	55
Тиранут и первый милуим (1975)	56
Израильский танк (семинар 1975-1976)	59
Милуим в Хевроне (Май, 1977)	66
Немного о войне в Ливане (Июнь, 1982) ...	69
Одна шуточная история	75

Благодарности:

Большое спасибо всем, кто читал отрывки из этой книжки и поддержал меня,

Огромное спасибо всем, кто читал отрывки из этой книжки и критиковал меня.

Предисловие (Preface).

Я иду по своей жизни не непрерывно во времени. Скорее, меня интересуют мои этапы развития. Так, в эссе “Мне сегодня 70” я набросал мой путь в математике. Даже точнее, как я обходил препятствия. Однако, в последней части, описаны мытарства войны, когда мне было между двумя и пятью годами. Затем был огромный пропуск до поступления в университет и затем до его окончания. Эти два события проходили с большими проблемами, связанными с моим еврейством. В другом эссе, написанном 10 лет спустя, “Сегодня мне 80”, больший акцент отдан моим уже ушедшим друзьям в математике, а также я пишу о воспитании молодого поколения и, в частности, о моих студентах. Во многих других рассказах я останавливался на других аспектах моей жизни, не обязательно математических. В центральном рассказе этой книжки “Моё еврейство”, я описываю мой путь по жизни как еврея, и как антисемитская реальность превращает нас в евреев. Для полноты картины, в двух либо трёх эпизодах я возвращаюсь к тому, что уже писал в “Мне сегодня 70”. Пересечение это небольшое, но нужное.

В одной из секций этого рассказа я описываю нашу эмиграцию, но с эмоциональной стороны. Фактическая сторона, как нам удалось добиться разрешения уехать из Советского Союза, было описано в рассказе “Эмиграция” в книге “Короткие истории”. Опять-таки, для полноты картины, я повторяю этот рассказ здесь.

Моё еврейство.

(Взгляд из будущего)

Начало осознания (1946-1953).

Многие очевиднейшие и естественные вещи возникали в моей жизни не очевидно. Я описал где-то то, что меня познакомили с моей мамой, когда мне было около пяти лет, а затем мама познакомила меня с папой примерно тогда же. Шла Вторая мировая война, и это не было так уж необычно. А вот о том, что я еврей, я узнал в 7 лет. Впрочем, я вообще не знал, что это такое. Это был первый день первого класса. По-видимому, это должен был быть очень торжественный день, который дети помнят. Но опять-таки, лишь один год после войны жизнь ещё не вошла в нормальное русло. Я сидел, кажется, на первой парте. Учительница называла фамилии детей, каждый вставал и отвечал на её вопросы. Кроме вопросов о том, как зовут твоих родных (и живы ли они), был вопрос о том, какой ты национальности. Когда мне задали этот вопрос, я смутился и не знал, что ответить. Я не понимал, что меня спрашивают. Мне помнится, кто-то из ребят хихикнул, а учительница как-то небрежно махнула рукой и сказала “еврей”. Это звучало как-то не положительно, пренебрежительно. Поэтому я запомнил эту сцену на всю свою жизнь. Ничего больше я не помню со всего первого и, возможно, второго класса.

(Так что Советский Союз объяснил мне, что я еврей, и продолжал объяснять и напоминать это всю мою жизнь там. Так же, как только я приехал в Израиль, мне объяснила израильская Media, что я - ашкенази, а я даже не знал, что евреи делятся на ашкеназим и сефардим. Меня учили «там» только, что я еврей. Но медики надо же кого-то ссорить между собой. Так что это большая тема для них.

Мне стыдно за всю нашу журналистику, которая видит свою работу в провокациях и создании ссор. Это называется у них создать “котерет”, то есть “заголовок”).

Следующий эпизод, который я помню, произошел уже, я думаю, в третьем классе. У меня был друг, хотя мы встречались с ним только в школе, и один из двух кварталов домой мы шли вместе. Однажды на развилке, когда мы должны были разойтись, он сказал мне: “ Ты хороший парень, Виталий, и ты не виноват, что твои родители евреи”. Вот так, ни с того ни с сего. Даже не помню, о чём мы болтали. Он просто хотел выразить свои хорошие чувства ко мне. Он не понял мой шок. Я запомнил его, и этот угол, где мы стояли, только из-за этой сцены. Отношение к евреям очень накалилось к тому времени. Хотя пик ещё был впереди.

Лишь один эпизод, где-то в то время, я помню, не имеющий отношения к еврейству. Это была так называемая “стукалка”, То есть дуэль в виде бокса (конечно же без перчаток) между двумя парнями, которые должны были разрешить какой-то спор. Это произошло у меня с одним парнем намного сильнее меня, и который хорошо ко мне относился. Но он приставал, я отбрыкивался, и сказал - “стукалка”. Много многоэтажных домов лежало вокруг в развалинах, и в одном из таких мест была расчищенная площадка для всяких игр и для бокса. Весь класс и ещё много зрителей стояли по кругу, а мы дрались, били себя кулаками, до крови либо падения на землю. Таковы условия. Конечно, в основном он бил меня. Но я держался, если падал, то сразу вскакивал. Результат был очевиден, и мне кричали прекратить. Но я продолжал. Постепенно все симпатии были на моей стороне. Бой как-то остановили, но меня очень уважали после этого. Ни одной стукалки и вообще драки со мной в

школе больше не было. А это в послевоенные годы была обычная вещь среди ребят. Еврейские ребята в школе создали даже “отряды самообороны”. Так что каждый, кто хотел бы оскорбить еврея, знал, что он будет стоять против группы.

К смерти Сталина в марте 1953 года антисемитизм достиг невероятных размеров. Он был фактически открытым. К примеру, для главных газет страны существовали стенды, специальные места, где под стеклом выставляли газеты, чтобы каждый мог читать газету (покупать их тоже стоили деньги). Так вот, на стенде газеты Правда я увидел однажды наискосок через всю газету толстым карандашом написано: “маланцы - убирайтесь к”. Слово “маланец” - это одно из оскорбительнейших прозвищ евреев. Я не знаю, каков смысл этого слова. Залезть под стекло и написать это, нельзя было без помощи сверху. Я оставляю еще несколько тяжёлых эпизодов, заполняющих мою память.

Я думаю, не столь общеизвестно сегодня, что Сталин готовил для евреев перед своей неожиданной смертью. Я отвлекусь и расскажу об этом. Конечно же, в то время я этого не знал. Мне было 13 лет, когда он умер.

Указ Сталина

Указ Сталина о высылке всех евреев в отдалённые места, дальний север за полярным кругом и отдалённую восточную часть Сибири, был уже им подписан. Намечалось это проделать в течение трёх дней марта 1953 года. Кажется 19-21 марта, но, может быть, на один день раньше. Конечно, это был секретный указ. Но подготовка была очень сложная, готовились составы поездов, строились лагеря. Так что население знало, что что-то вот-вот произойдет. Для психологической подготовки населения накануне, в течение месяцев происходила

подготовка к публичному судебному процессу врачей (врачи - убийцы, как называли их). Все они были евреи, что подчеркивалось (не формальными словами, а их фамилиями и намеками). Врачей обвиняли в том, что они намеренно “лечили”, с целью убить, высших людей государства. (Уже на много ранее, смерть Горького, например, приписывалась врачам. Хотя сегодня мы знаем, со слов Хрущёва, что это было делом рук Сталина; так что он уже испытал эту схему). Атмосфера против евреев накалялась до точки близкой к погромам. Сталин неожиданно умер 5-го марта, за две недели до начала высылки евреев. Это спасло евреев от вторичного истребления.

Выжившие врачи были освобождены из тюрем уже через несколько дней после его смерти. История смерти Сталина загадочна, и я знаю больше одной версии, поэтому не приведу ни одной. У моих родителей были близкие друзья, которые сумели купить информацию о том, в какой лагерь их должны направить. И они уехали туда, оставив работу. Все понимали, что самое страшное - это процесс переезда, в товарных вагонах, набитых людьми до отказа. И опыт войны говорил, что такие составы идут до назначения неделями.

Сталин уже выселял народы, татар из Крыма, чеченцев из Чечни, немцев из Поволжья. Это было широко известно всем. Эту часть истории я уже знал, живя в России, но конечно, когда был намного старше. Однако продолжение, которое я собираюсь рассказать, мы узнали много лет спустя, где-то в середине девяностых годов.

По главному российскому каналу телевидения шла историческая программа об этом периоде в истории России. Вёл её историк Николай Сванидзе. Мы слушали её (в Израиле) вместе с моей женой. Я упоминаю это потому, что то, что было сказано, настолько невероятно, что я хочу иметь свидетеля - ещё пару ушей.

Сванидзе держал в руках дневник Булганина, заместителя Премьер-министра, которым был в те дни сам Сталин. Булганин записывал все указания Сталина, и иногда переспрашивал. Это выглядело для меня, как построение для себя алиби. Я думаю, это был результат нюрнбергских процессов. Указания не было так трудно запомнить без записей.

Итак, Сталин говорил, что он не ожидает, что все евреи доедут до мест назначения. Он ожидает, что треть не доедет (честно говоря, может быть было наоборот, и он ожидал, что только треть доедет; я выбрал вариант помягче). Булганин переспрашивал: “А как же это можно сделать?”, и записывал ответ: ”Поезда могут случайно сталкиваться; людям в поездах можно дать выйти и отдохнуть в каком-нибудь удалённом месте, недалеко от какого-нибудь села. А жители этого села могут выразить свои чувства и протест против этих врагов народа.” Очевидный намёк. Честно говоря, я не мог в это поверить, но Сванидзе читал, не рассказывал от своего имени.

На фоне этой информации, смерть Сталина 5-го марта выглядит чудом. Дело в том, что этот день был в точности день пурима.

Это тот день, который на протяжении тысячелетий еврейский народ отмечает, как своё спасение во время Персидского пленения. Управляющий властителя Персии, Аман, уже подготовил уничтожение всех евреев Персии. Но в этот день Эстер (также Эсфирь), еврейка и любимая жена властелина, уговорила его казнить этого управляющего, что спасло евреев Персии. (Можно стать религиозным после этой информации).

Однако вопрос, что привело Сталина к такому уровню антисемитизма остаётся для меня открытым. Конечно, многие его соперники в тридцатых годах были евреи. Но он

победил всех их, и антисемитизм такого уровня не был замечен до войны. Да, во время войны евреев старались не выдвигать, и, например, не награждать большими орденами. Конечно, награждали, но в намного меньшем числе случаев, чем должно было бы быть. Примеров тому очень много. Но ведь это ещё бесконечно далеко от попытки уничтожения. Гитлер как-то повлиял на Сталина. Я знаю об этом одну интересную и малоизвестную историю. Гитлер попросил составить ему список очень высокопоставленных евреев, работающих на Сталина. Каким-то образом этот список попал к Сталину. (Само по себе интересно. Разведка умела работать). Сталин принял решение освободить от постов почти всех этих людей. Но не велел наказывать их. Просто какое-то время они были безработными. Этот шаг я как раз могу понять. Сталин не хотел, чтобы в руках Гитлера был еще один аргумент против Сталина перед оккупированными им народами.

Антисемитизм этих народов был хорошо известен Сталину. Возможно, попытки евреев после войны уезжать из Советского Союза в Израиль, и то, что Израиль сумел не стать марионеткой Сталина, сыграло роковую роль. Мы не знаем.

Десятый класс; забастовка (1955-1956)

Сталин был пуританин, и при его жизни в больших местах школы были разделены, отдельно для девочек и отдельно для мальчиков. Однако после его смерти школы смешали. Так что два последних класса, 9 и 10, я учился уже в смешанной школе. Жизнь стала намного спокойней, хотя следы антисемитизма сходили медленно, и конечно не до конца. Есть еще один эпизод в моем десятом классе, абсолютно не связанный с моим еврейством, но

как-то подчеркивающий мой характер, и который я сейчас расскажу. Так вышло, что в самом начале 10-го класса я устроил забастовку нашего класса. Нудно и не интересно рассказывать подоплеку. Но я посчитал действия учительницы русского языка не справедливыми, и на следующий день сказал, что я не войду в школу, и буду сидеть у входа (Она неожиданно пришла в класс не на своём уроке и объявила контрольную; никто не был готов. Я положил свою ручку на парту, демонстрируя, что я писать не буду. Постепенно весь класс положил ручки на стол. Так продолжался час, она поставила всем двойки. Это, в частности, означало, что никто в этом классе не получит медалей. Огромный удар по многим). Почти 2 дня все ученики этого класса приходили утром к школе и весь день стояли вне школы. назревал скандал по крайней мере городского масштаба. Забастовки в Советском Союзе были невозможны. Директор вызвал мою маму, попросил её добровольно забрать меня и перевести в школу, где она преподавала. Он сам позвонил директору той школы и объяснил, что это совершенно необходимо. Он сказал, что не считает меня виноватым, но забастовка - это дело неслыханное, и ему придётся поставить мне 4 по поведению. Это лишило бы меня какой бы то ни было медали при окончании школы.

Важность медалей я объясню немедленно. Здесь еврейство уже замешано. Но в начале закончу этот эпизод. Итак, забастовка закончилась: все двойки были отменены, и моя нога больше не вступала в эту школу. Никогда. Это было за одну неделю до окончания четверти, и поэтому все оценки за четверть были выставлены уже в новой школе. Хитрость состояла в том, что оценку за поведение уже поставили здесь. Никто из моих новых учителей в этой школе не знал, кто я. Во всей школе лишь еще одна учительница была другом нашей семьи и знала меня.

Переживания мамы в связи с историей в предыдущей школе были полностью скомпенсированы событиями первой недели в новой школе. Меня вызывали к доске на каждом уроке, поскольку должны были за неделю поставить мне оценки за четверть. И каждый учитель, возвращаясь после урока в учительскую с восторгом сообщал, что появился новый ученик, который всё знает, и некоторые учителя добавляли, что даже лучше них.

Вернемся к медалям. По окончанию школы можно было получить медаль за особо хорошие достижения в учёбе. Была золотая медаль и серебряная. Медалисты не должны были сдавать весь набор экзаменов при поступлении в Высшее Учебное Заведение, для меня, чтобы стать математиком, это был Университет. Я бы никогда не сдал экзамен по украинскому языку (на Украине) либо по русскому языку, скажем, в Москве. Но имея серебряную медаль, надо было сдать только два экзамена, письменный и устный только по математике. Наилучший вариант для меня. С золотой медалью экзаменов не было, но было так называемое собеседование, что было хуже, так как никаких правил не было, и могли завалить почти без причины (и я знаю примеры). Конечно же, весь этот страх “завала” был из-за моего еврейства. Итак, получить медаль была важнейшая цель.

Я проучился в школе мамы ещё всю вторую четверть, а затем наступила новая катастрофа. Я был слишком хороший ученик, и это вызвало повышенный интерес моих соучеников. Возможно, как-то возникла гипотеза, что учительница физики в других классах моя мать. Мы с мамой слишком похожи. Одна из учениц попросила у меня одну книжку по физике, которую я имел. Ничего не подозревая, я

принес ей эту книжку. Внутри неё была фамилия моей матери, которой принадлежала книга. В Советском Союзе женщины не меняли свою фамилию на фамилию мужа, и она осталась Цудикова. Моё инкогнито было разоблачено. Немедленно нашёлся учитель, который подал жалобу в городской орган по образованию (“Гороно”), что один из учителей перевёл своего сына в свою школу, чтобы он получил медаль. И я обязан был снова сменить школу. Мне очень повезло с директорами этих школ. Они договаривались между собой.

Этот учитель сам работал в Гороно. Мне объяснили позже, что его отрицательный интерес ко мне не был случайным. Некоторые ученицы моего класса рассказали мне позже, что этот учитель имел какие-то отношения с той ученицей, которая попросила книжку по физике, и он ревновал её ко мне, поскольку она слишком часто смотрела в мою сторону (я сидел впереди, и этого не видел). Я упомянул это, поскольку этот человек не оставил меня в покое и после ухода из школы. Держалось в тайне, в какую школу меня перевели, но он узнал это через 2-3 месяца. Он позвонил директору новой школы, и очень грозно предупредил от имени Гороно не давать мне медаль. Это звучало как приказ. Однако, он “опоздал”. События в новой школе развивались похоже на то, как они начинались в предыдущей. Учителя по всем основным предметам были в абсолютном восторге. Классным руководителем в классе, в который меня определили, был учитель математики. Знакомство с ним было особой историей. Мне повезло. Он был очень нервный и резкий человек, но очень любил математику. Как только он увидел нового ученика в своём классе, он немедленно вызвал меня к доске. Он задал вопрос, не тривиальный, и за одно спросил: “А вы уже учили это в своей школе?” Конечно же, он считал своё обучение лучше

всех остальных. Я ответил: “Мы не проходили это, но я думаю, я смогу ответить” . Раздался взрыв иронии: “ Он думает что сможет, ну ?!”. За прошедшие секунды я успел понять и дал ответ. Наступило гробовое молчание, и он застывший смотрел на класс. Через какое-то время раздался жуткий грохот. Это он швырнул огромный деревянный циркуль и транспортир в угол. Класс был готов к этому, он знал своего учителя. Но я слегка растерялся. Дальше пошла ругань в адрес класса («ах вы балбесы....») и хвала в мой (“он и не учил, а....»). Конечно, такое противопоставление могло сделать меня врагом класса, но было наоборот. Они знали своего наставника, и заужавали меня.

Впоследствии оказалось, что этот учитель математики заканчивал вечерний факультет университета вместе с моим отцом. Я писал в моём рассказе-биографии ”Давид Мильман“ причину, по которой мой отец должен был учиться на вечернем факультете. Отец не помнил его, и учитель был намного старше. Учитель физики этой школы тоже знал мою мать. Возможно, они учились в одно время. Я точно не помню. Меня очень хорошо приняли в этой новой школе. Семья одного моего нового друга Юры Ш. была чрезвычайно богатой (конечно секретно). Его отец был гинеколог, и делал нелегальные аборты всем любовницам высшего аппарата города (партийного и государственного). Они этого и не скрывали, по крайней мере передо мной. Его мать, конечно же, была в родительском комитете школы. Там она слышала всякие чудеса обо мне. Она очень поощряла нашу дружбу.

Серебряная Медаль.

Теперь пора вернуться к этому звонку от имени Гороно директору моей школы. Я написал выше, что звонок “опоздал”. Меня уже очень хорошо знали в школе. Директор школы, который предположительно должен был тихо выполнить этот приказ, собрал учительский совет всех учителей школы, и на нём рассказал об этом. Невероятно смелый шаг. В Сталинское время его могли бы и расстрелять. Но в это послесталинское время, “только” посадить (имеется в виду в тюрьму, конечно). Не узнав меня ранее, он бы точно не решился на это. Он, как и все, понимал, что медаль - это билет на мой вход в университет. (Я напоминаю, это не было бы так, если бы не моё еврейство). И на собрании он задал учителям вопрос: “Что мы будем делать?” После обсуждения (то есть рассказов обо мне; я не знаю деталей), единогласное мнение было: “Мы сделаем всё, чтобы дать ему медаль”. Мы знаем это от матери Юры. И преподаватели предметов, которые были проблематичны для меня, украинский и английский языки, сами помогали мне. Для медали нельзя было иметь ни одной тройки, и только, возможно, иметь парочку четвёрок. Так что по этим предметам помощь была мне нужна.

В связи с этой историей мне вспоминаются рассказы о дореволюционном, царском времени. В то время ограничения на приём евреев в Высшие Учебные Заведения (ВУЗы) был официальным, кажется, не более 5%. И во многих школах учителя специально подтягивали талантливых учеников-евреев, и давали им медали, чтобы они могли продолжать учиться. Дети неравномерно способны ко всем предметам. И будучи очень талантливыми к некоторым, могут быть бездарны к другим. Разница с советским послевоенным временем состояла в

том, что ни какой процент указан не был. Идеально - он был ноль. Но по разным причинам, включая протекцию (“блат”, на русском сленге) евреев, конечно, брали. А некоторые ВУЗы хотели повысить уровень студентов, и тоже позволяли брать евреев намного легче.

Однако получить серебряную медаль всё ещё не было просто. После окончания занятий в школе, было два выпускных экзамена. Они были всегородские: один - сочинение по русскому языку, и другой экзамен - по математике. Хотя тема сочинения и задачи по математике, хранились в тайне, но каким-то образом ученики знали их за день либо два. Кто мог (имел деньги) покупал эту информацию. Ну а для меня это было совсем просто. По математике мне сообщали все задачи, чтобы я их заранее решил (и даже написал) для тех, кто их узнал. А информацию по русскому сочинению мне сообщали в благодарность за математику. Так что я был абсолютно готов. Сочинение я написал заранее, и один из учителей русского языка проверил всё. На экзамене, который проходил в школе, мне надо было его просто переписать. Учителя продолжали помогать мне. Так что я был абсолютно уверен в своём сочинении.

Но всё равно, медаль мне вначале «зарезали», понизив оценку по письменному выпускному экзамену по русскому языку с 4 до 3-х. (Я специально написал на четыре, я не хотел золотой медали). В это трудно поверить, но представитель экзаменационной комиссии считал, что у нас должны быть большие деньги и хотел получить, кажется, 5000 рублей за мою медаль. Они сами вышли с нами на контакт. (Возможно через мать Юры? Я не помню). Мы не имели таких огромных денег, но нам предложили их родители Юры (которые заплатили за его золотую медаль). Я производил на них столь невероятное впечатление, что

они готовы были и подарить эти деньги. Но мои родители не захотели ставить это пятно на мою биографию, и мне понизили оценку и не дали медаль. Дальше была борьба, чтобы получить мою экзаменационную работу и увидеть «ошибки». Матери это не удалось, но как раз вернулся отец из Москвы, где проходил, мне кажется, Конгресс Советской Математики, и ему это удалось. Я на месте показал чиновнику (который не знал о деньгах и истории), что ошибок нет, либо они «добавлены». Он согласился, но нужна была та же официальная комиссия для пересмотра. Он написал повестки с вызовами для этих людей, и отец сумел их собрать. Это не было тривиально. Отец пришёл домой с повесткой к председателю Комиссии. Это был ровно тот человек, который хотел получить от нас деньги. Женщина, возможно жена, открыла отцу и сказала, что его дома нет. Причину отец не назвал, и она спросила, кто он. Отец сказал - Мильман. Услышав фамилию, она позвала хозяина квартиры. Они были уверены, что Мильман принёс деньги, и поэтому он вышел. А отец вручил ему повестку явиться на комиссию. Мне вручили документ о медали, но это был последний день приёма документов в Университет, и мы с мамой летели в Харьков прямо в приёмную комиссию. Чиновник сказал мне, что они только что закончили приём документов, но когда я протянул ему все мои грамоты побед на олимпиадах, он вдруг изменил тон и согласился их взять. Так я попал в Харьковский Университет на отделение математики. Кстати, экзамены по математике при поступлении у меня принимал Погорелов. И в этом мне, возможно, повезло. Письменный экзамен был написан так, как писали тогда, ручкой, которую обмакивали в чернила. Другого типа ручек ещё не было. Я так и не освоил писать чернилами аккуратно. Всё, что я писал, выглядело всегда грязно. А в этом случае было даже хуже обычного, так как я имел очень мало времени. Дело в том, что одна из задач письменного экзамена оказалась неправильной. Её

отменили за час до окончания срока. А я, конечно же, начал с неё; она выглядела самой сложной. Так что я не имел времени переписать всё начисто. Погорелов был председателем комиссии по математике, и он вызвал меня к себе на устном экзамене. Я отвечал на его вопросы, еще до того как он успевал их закончить. Так что он сразу понял, и взял мою письменную работу. Мне самому стало страшно смотреть, какая она грязная. Погорелов спросил: “ почему так грязно написано?” Я как-то мгновенно понял этого человека, и сказал: “Я все годы в школе страдал из-за этого”. И Погорелов отреагировал: “Ну если уже страдал, то достаточно” , и поставил две пятёрки. Такой он был человек, и я всегда очень любил и уважал его.

Университетские годы.

Время обучения в Университете не имело антисемитских эпизодов вплоть до года окончания, когда антисемитизм (для меня) снова взорвался. Но об этом немножко позже. На всё моё последующее развитие повлиял один эпизод, связанный с войной Израиля в 1956 году. В том же году и месяце произошли очень печально известные события в Будапеште. Спустя несколько месяцев после этих событий, мой учитель и патрон, профессор Б.Я.Левин (мы звали его между собой БЯ) , задал мне вопрос: “А что студенты и вы думаете по поводу Израильской войны?” Я был у него дома, я часто приходил к нему в первые года обучения. Он хорошо знал моих родных. Я немножко смутился, и сказал, что мы очень симпатизируем венграм и переживаем за то, что натворили советские войска там. Но что касается Израиля, то что он лезет всюду вокруг. Конечно, все газеты и новости поносили Израиль и называли его агрессором. И я как то принимал эту точку зрения не задумываясь. БЯ ничего не ответил, но как-то

усмехнулся, как только он умел. Я понял, что в его представлении я сморозил дикую глупость. Эта его усмешка жила и живёт со мной. Она вынудила меня думать и постепенно изменила моё понимание и представления об Израиле. Я больше не доверял пропаганде об этой стране.

Дайте пощупать ваши рожки.

Очень смешная история произошла во время наших так называемых “сборов” после окончания четвёртого курса. Это были года, когда все студенты мужского пола в университетах изучали “Военное дело”. По этой причине нас не призывали в армию. После 4-го курса нам давали звание младшего лейтенанта, и больше мы в армию не призывались. (Положение изменилось через несколько лет, военное обучение прекратилось, и всех ребят стали призывать в армию). Однако перед получением звания, нас всех отправляли примерно на месяц на практику, в какую-нибудь военную часть. Это было легко, хоть и противно. Нас было порядка ста ребят, собранных из нескольких факультетов. С нами ехал один из наших учителей, который был в звании полковника. Самый большой чин в части, в которую нас привезли, был капитан либо майор. Мы были под полным прикрытием нашего полковника. А он был хороший и мягкий человек. Так что было легко. Сержантами над нами были тоже практиканты из училища сержантов.

Всё это происходило в одном из провинциальных мест Украины, где-то под Полтавой. Конечно, среди нас, студентов, было много евреев. Один из нас, физик Коган, выглядел уж совсем типичным евреем. Так вот, пару сержантов не выдержали, и попросили его позволить им пощупать его рожки. Бабушки рассказывали им, что у евреев есть рожки в волосах, и им очень хочется их потрогать. Они никогда раньше не встречали евреев. Я не

помню, позволил ли Коган (простите, я забыл его первое имя, кажется, Юра) щупать его голову.

Кстати, оставив этот реально происшедший анекдот, Я объясню происхождение этого мнения. Микеланджело также нарисовал Моисея с рожками. Но, возможно, он не был невеждой, а использовал их как символику. Дело в том, что в иврите слова лучи и рожки произносятся одинаково. По легенде, из головы Моисея исходили лучи света (как признак его необыкновенного ума, а может быть святости), но не зная языка, можно перевести это как рога.

Я закончил эту историю, но мне хочется прокомментировать текст “из головы Моисея исходили лучи света”. Я вижу в этом не святость, а огромный разрыв в разуме, в уровне интеллигентности (intelligence). Дважды в моей жизни я ощущал тоже самое, ощущение исходящих лучей, ореол, из головы физика Ландау и математика Колмогорова. Затем, ещё один раз, это ощущение промелькнуло при встрече с Карлесоном (L. Carleson). Замечание о Карлесоне имеет ещё одно замечательное продолжение. Когда-то мы обсуждали с Жаном (Jean Bourgain) историю с Моисеем. Я сказал ему, что два с половиной раза у меня возникало ощущение света исходящего от человека. И я назвал первых двух. Когда я дошел до “половины”, он сказал, ты имеешь в виду Карлесона. Так что Жан тоже ощущал что-то подобное, что из него исходил свет интеллигентности. Но я уже был в летах, при которых такие ощущения не задерживались надолго.

Окончание университета

К окончанию университета я имел уже 4 либо 5 научных работ, опубликованных либо принятых к печати. это было

совершенно не обычно. По западным стандартам, этот этап соответствует чему-то между первой и второй степенью. Даже среди лучших учеников на этом этапе обычно научных работ ещё нет. Часть из них была под руководством и совместные с А.Д. Мышкисом, а другие сделаны под руководством БЯ (Левина). Кстати, я очень любил их обоих и должен написать о них отдельно. Каждый из них помогал мне в разное время, но при окончании университета особенно сильно Мышкис.

«Распределение» на работу.

Казалось бы, моё будущее после окончания университета должно быть очевидным. Я должен был бы продолжить обучение в аспирантуре на получение Ph.D. Однако, в те годы ни одного еврея в Харькове не брали на учёбу в аспирантуру (для получения Ph.D., кандидатской степени по русской системе). И мои научные работы ни как не помогали в этом. Об аспирантуре речь даже не шла. Но при бесплатном обучении распределение на работу после окончания учёбы обязательно. Студент должен отработать своё образование. Поэтому очень важно было иметь работу, которая дала бы возможность заниматься наукой. Например, научно-исследовательский институт. Как раз за год до моего окончания Университета открылся новый грандиозный Институт Низких Температур. Его создатель и директор Веркин понимал, что легче начать строить высокий уровень науки с математиков. Они всегда были не совсем устроены, а для физиков уже был в Харькове очень серьёзный Институт Ядерной Физики. Сам Ландау работал там когда-то и ещё иногда наезжал (я присутствовал на его лекции в год окончания Университета). Итак, Веркин сразу же открыл 5 отделов математики (и позже, кажется, шестой), их главами стали по совместительству лучшие математики Харьковского Университета, в их числе мои учителя Левин

и Мышкис, а также Марченко и Погорелов, получившие на следующий год Ленинские премии. (Получить две Ленинские премии в один год было невероятной честью для Харькова.) Так вот, все они объясняли Веркину, что нужно меня взять, и институт подал формальную заявку.

День распределения. Мы все, выпускники, где-то между 50 и 100 молодых людей, ждём в большом зале и нас по одному вызывают в небольшую комнату, где сидит зам. ректора и представители разных организаций с запросами на нас. Меня вызывают первым. Два наших профессора, Мышкис и Марченко ждут моего вызова вместе с официальным представителем Института (кстати, начальником первого отдела, т.е. КГБ-истом, ответственным за безопасность. Он впоследствии, естественно, ненавидел меня, но тут он имел прямой приказ от Директора - получить Мильмана). И зам. ректора хочет их освободить. Я вхожу и сажусь. Мне официально предлагается ехать в некий колхоз в 30-ти километрах от Харькова преподавать в школе математику. То есть угробить меня как учёного. Возможно, надо объяснить, что для того чтобы из таких колхозов добраться до Харькова, надо было сначала идти по бездорожью 5-7 км, затем ловить попутную машину и трястись в её кузове пару часов.

Я не успеваю ответить, что я этого не хочу. Вмешивается представитель института и подаёт прошение на меня. Начинается обмен ссылками на различные постановления Партии и Правительства. Скажем, цитируется указ об укреплении образования в колхозах – то есть лучшие наши

студенты (не оспаривалось, что я – лучший) должны ехать в колхозы преподавать (кстати, отсюда следует, что аспирантура не для лучших). В ответ цитируется постановление об активной поддержке в создании базы науки в Харькове – то есть я должен идти в Институт. Через 5 минут такого обмена, зам. ректора предлагает мне покинуть комнату – «после позовём» - и обсуждение продолжается без меня. В комнату продолжают вызывать других студентов; их дела в основном решаются быстро. И почти каждый выходящий подходит ко мне сказать, что всё время обсуждают меня. Удивительная вещь: некоторые наши девушки, с которыми я проучился пять лет, стояли по углам и плакали (из-за меня); они приехали учиться из глубин Донбасса и областей, и впервые столкнулись с антисемитизмом, и сразу в его столь грубой и беспощадной форме. Они то знали, что я намного лучший студент, чем все те, кто не имеет сейчас ни одной проблемы, и плакали от стыда, боясь посмотреть на меня. Прошло, я думаю, пару часов. Вдруг выскакивает из той «заветной» комнаты мой самый лучший друг в течение всех лет учёбы, украинский парень с Донбасса (Толик Кононенко), и подбегает ко мне: «Виталий, они дают мне подписать твоё место в Институте! Я не могу отобрать его у тебя». Я объяснил ему, что он может подписать; для меня место найдут, если только зам. ректора уступит. Но этот сукин сын уступать не хотел. И тут наступила совсем другая развязка. Распределение уже почти что закончилось. Почти никого без назначения уже не осталось. Вышел Мышкис (бедняги, он и Марченко, просидели там, наверное, уже больше 3-х часов). Он сказал мне, что женщина, представляющая облоно (областной отдел народного образования) и к которой меня направляли – она ведала образованием в колхозах области – предложила Мышкису и Марченко помощь. Видимо, её впечатлила ситуация. Два профессора (и я добавлю, два русских профессора) сидят уже 3 часа, чтобы отстоять

одного студента. И она сказала, что я могу подписать бумаги. Она обещает дать мне освобождение. Это было её право, и тогда я становился вольно-наёмным, и Институт меня мог взять. Кстати, впопыхах забыли поставить мою подпись на бумажках, но это вряд ли бы помогло само по себе. Моё направление ушло к этой женщине. Она вышла поговорить со мной и сказала придти к ней в кабинет через полтора месяца в определённый день. Я пришёл. В большом кабинете сидело 2 женщины, но я сразу узнал ту, к которой шёл. И она узнала меня. «Не нужно объяснять, я помню» - сказала она, и протянула какой-то листок – документ об откреплении. Я взял его, поблагодарил и стал уходить. Я был около двери, когда она окликнула меня. «Я забыла что-то проставить» - сказала она, дайте бумажку. Я остановился, посмотрел на неё испуганным и очень смущённым взглядом и сказал: «Извините, я не могу его Вам вернуть» - это была моя жизнь, моя судьба. Она смутилась, очень понимающе посмотрела и сказала: «Я понимаю, идите, это не так важно», и я ушёл.

Ещё один небольшой но существенный эпизод.

Я понимаю, как трудно поверить в некоторые из историй об антисемитизме, о которых я рассказываю. И не из-за недоверия ко мне, а из-за возможности различных интерпретаций тех же ситуаций. Я подберу лишь еще один рассказ о ситуации в Харькове, в которой «другая» интерпретация невозможна. У меня есть двоюродная сестра, Бэла. Её отец - родной брат моей матери, фамилия её - Цудикова. По окончанию этой фамилии можно думать, что фамилия русская, хотя, зная иврит, вы понимаете, что это происходит от слова "цадик", что значит святой. Мать у неё была русской, даже казачка. Они жили в Москве, и Бэла была записана в паспорте русской. Она на 7-8 лет

моложе меня. Так что она закончила школу уже пару лет после того, как я кончил Университет. Что-то произошло у неё в Москве, и она не поступила в ВУЗ, который хотела (возможно, учиться на математика). Экзамены по математике в Харьковском Университете принимали уже мои сокурсники по Университету, мои очень хорошие знакомые. Я поговорил с двумя, и задал прямой вопрос: моя сестра, по паспорту русская, фамилия звучит как русская, но отчество (то-есть имя отца) совершенно еврейское. Нет сомнения в её уровне. Их ответ был: «Не волнуйся, Виталий, если в паспорте русская, то мы её проведём». Наивные, они еще не долго работали, и не спросили у председателя Комиссии, Тарапова, нашего доцента, который тоже великолепно знал меня, и впоследствии стал даже Ректором. Бэла срочно приехала в Харьков, и я принёс документы этим ребятам. Они не могли смотреть в мои глаза, они извинялись. Они говорили с Тараповым, и тот “послал” их. Примерный смысл того, что он им сказал, состоял в том, что если уже брать еврейку, то пусть уже и по паспорту будет, чтобы её можно было продемонстрировать, что мы и евреев берём. Но это не означало (как мне намекнули), что он хоть одну готов взять. Бэла вернулась домой.

Черноголовка, 1967 год

Мне не хочется продолжать говорить о Харькове, хотя пару очень антисемитских историй ещё кружатся в моей голове. Очень быстро мы переехали жить в Подмосковье, в Научный городок Черноголовка. Этот городок создавался на наших глазах. В нем разместили 12 научных институтов разных направлений. Город находился в 45 км от Москвы и считался закрытым. Уже дорога от метро Щёлковская была закрыта. По ней не имели права ехать иностранцы, даже

из восточноевропейских стран. Научные Условия были великолепны, и жизнь была намного проще и лучше, чем в других местах Москвы и Подмосковья. Наш институт был самым большим, с него началась Черноголовка, и он считался филиалом Института химфизики Москвы, где директором был Нобелевский лауреат Семёнов. Жизнь шла спокойно, и приближался 1967 год, год шестидневной войны Израиля в Июне 1967 года.

Уже за месяц до начала войны, атмосфера против Израиля в Советском Союзе накалялась до крайности. У нас, евреев, был реальный страх, что Израиль может быть уничтожен. Все мои знакомые евреи находились под страшным напряжением. Но внутренняя жизнь, не имеющая отношение к Израилю, шла спокойно и нормально. Конечно же, мы каждый день слушали “Голос Израиля”. Это успокаивало. Я почему-то не помню, как прошли 6 дней войны. Возможно, потому что произошёл полный переворот сознания в результате его, Израиля, ошеломляющей победы. Мы восхищались Израилем, мы гордились им. Мы почувствовали себя частью этой страны. Мы слушали “Голос Израиля” всё время, когда он вещал. Я расскажу забавный эпизод. Сразу после этой войны мы поехали на море в Одессу, город, где жили мои родители. Однажды вечером я шел домой и опаздывал к голосу Израиля. Проходя, я услышал в одном из окон на первом этаже “Голос Израиля”. Я остановился около этого окна, чтобы что-либо услышать. Из окна выглянул мужчина и сказал: “Вы хотите слушать голос Израиля? Хорошо, я сейчас увеличу звук”. И включил радио на полную громкость. Вся улица могла слушать. Надо знать, что слушать заграничное радио было незаконно. За это могли наказать, а в какие то годы даже посадить. Но евреи перестали бояться, перестали ходить опустив голову

и глядя в землю. Я вижу в этом величайшее (и положительное) достижение Шестидневной войны.

Хотя я должен сказать, что для многих евреев этот шок был отрицательным. Много времени у меня взяло понять, что народ наш делится на две части. Одна часть хочет нас, евреев и Израиль, быть сильными и независимыми. Но другая хочет совсем наоборот, нуждаться в помощи и выглядеть слабыми (по крайней мере выглядеть так для других). В книжке «Короткие истории» есть рассказ «Немножко о нашем народе. (Три факта о нас)».

Я привожу там некоторые факты, в которые трудно поверить человеку моей философии. Конечно же, люди прячут в другие обёртки то, другое мнение, о котором я написал выше. И общий знаменатель надо суметь увидеть. Пример: мне лично было сказано знаменитым Рабби Shmuel Avidor Nasohen: «Если мы не можем быть свет для гоев, то пусть нас всех и убьют. Лучше всем погибнуть». (Другая обёртка, но о том же. Как вы будете «светом» для террористов, или для армий врагов желающих тебя уничтожить?).

Или другой пример, всё еще из прошлого. Какой процент евреев голосовал за Гитлера в 32 и 33 годах? Вы не найдёте этих данных в Google. Почему? Их неудобно даже произнести. Гитлер написал Mein Kampf за 10 лет до этого, всё было известно, но больше трети всех евреев голосовали за Гитлера! Он победил не с большим перевесом голосов, и эти еврейские голоса помогли ему. Какие-то из этих евреев сумели уехать из Германии в середине и конце тридцатых годов. Но я никогда и ни от кого не слышал, что его родители либо прародители голосовали за Гитлера. Стеснялись, детям своим не рассказывали. И потому дети, и их дети, продолжают не понимать, и снова

совершать те же ошибки. В девяностых годах та же треть евреев, наших израильтян, голосовали за приезд Арафата в Израиль со всей его армией.

Но вернемся к периоду после Шестидневной войны. Мы хорошо знали одного очень хорошего и известного израильского писателя, Канюка (уже умершего). Он даже был нашим родственником. Я не знаю его реакцию на победу Израиля сразу же после войны. Но я знаю, что он говорил в семидесятые годы. Он считал, что Израиль превратился в “Империю”, и что её последствия ужасающие для Израиля. (Вот так, мы стали сильными, и это воспринималось им, как трагедия). С годами всё больше и больше людей перестают стесняться этой точки зрения. Ненависть к Нетаниягу, которую мы наблюдаем на многочисленных сегодняшних демонстрациях, это следствие той силы, даже могущества, которое придал Израилю Нетаниягу за последние 10 лет, во всех областях, финансовом, политическом и военном (в последнем мы были вынуждены быть такими и раньше). Заметьте, поддержка Нетаниягу не увеличилась после такого политического прорыва, как установление нормальных отношений с Абу-Даби. Почему? Причина, которую я написал, объясняет это. Еще более сильный Израиль только ухудшает разрыв между этими двумя группами. Демонстрации против Нетаниягу стали только сильнее.

Но я вернусь к восприятию этой замечательной войны, как её видели из России.

Последствия этой удивительной войны.

Я не собираюсь рассказывать о событиях этой войны. Мы получали информацию из передач радио, не советского, а запрещённого - “Голос Израиля”, и позже из газет и

книг. Мы же обсудим, что происходило в Советском Союзе. В шоке были все, включая советские власти. Они разорвали дипломатические отношения с Израилем и остановили полностью микроскопическую эмиграцию евреев из России, которую позволяли до этого. Скажем, моя бабушка, мать отца, с которой я провёл много-много месяцев во время войны, уехала в Израиль к своим другим детям за несколько месяцев до начала войны. За ней приехала её дочь из Израиля, которая эмигрировала в начале двадцатых годов.

Однако вскоре власти передумали, благодаря резкой отрицательной реакции западного мира. Вот выдержка из письма министра КГБ Андропова и министра иностранных дел Громыко в ЦК КПСС от 10 июня 1968 года (спасибо профессору физики нашего, Тель-Авивского, Университета Marek Karliner, который познакомил меня с этим документом):

“..... В целях локализации клеветнических утверждений западной пропаганды о дискриминации евреев в Советском Союзе представляется целесообразным наряду с другими мерами возобновить в текущем году выезд советских граждан на постоянное жительство в Израиль (в пределах количества до 1500 человек). Разрешать выезд лицам преклонного возраста, не имеющим высшего и специального образования..... “

Шок и убедительность Израильской победы повлиял даже на Советскую армию. Настроения среди советских офицеров были почти что произраильскими. Власти должны были что-то делать. И к 1968 году КГБ подготовила и провела серию провокаций. Хитрых провокаций, вроде бы не о евреях, но в кругах, в которых много евреев, и их можно было прижать, иногда уволить, но всех поставить “под струнку”. Например, письмо математиков в защиту не

совсем психически здорового, но очень хорошего математика Есенина-Вольпина. Это была политическая ерунда, и под письмом поставили подписи сотни людей. Но власти оставили 99 подписей (скажем, я подписал, но в списке 99 не был), и над этими людьми издевались, публично, чтобы поставить на место всех остальных. Я должен сказать, что по родственным связям мою жену по секрету предупреждали, чтобы она не позволила мне “лезть в бутылку”, потому что готовятся какие-то провокации.

Заседание у Брежнева

Однако об одном, важнейшем событии тех лет, я узнал десятилетия спустя. Я не видел документов о нём, и каким-то образом оно очень мало известно. Моя уверенность в том, что оно реально происходило, связано с достоверностью источника. Мне рассказал об этом в середине девяностых годов мой замечательный друг и великий математик, лауреат Филдсовской медали, приза Волфа и так далее, Сергей Новиков. Его дядя, Президент Академии Наук Советского Союза, Келдыш присутствовал на этом событии. Итак, по-видимому в 1968 году, а может быть 1969, Брежнев собрал митинг, на котором присутствовали высшие руководители академии, Военно-промышленного комплекса, и так далее. И вопрос, который он перед ними поставил, был: “Можем ли мы отпустить евреев”. Имелось в виду, может ли Советский Союз обойтись без евреев. Вообще-то я думаю, что когда он говорит “отпустить”, это означает выслать (выгнать). Нет у этих людей сантиментов, чтобы дать выбор, кто хочет пусть едет, а кто хочет - остаётся.

Мнения разделились. И как раз военно-промышленный комплекс и КГБ считали, что евреи очень существенны для государства во многих областях. И поэтому их нельзя

отпускать. Вообще-то странный вопрос для Брежнева. В чём его корни? Разные мысли кружатся в голове. Возможно, ему предложили платить, как это было с Чаушеску в Румынии? А может быть, он просто чувствовал надвигающиеся от евреев проблемы. Был также слух, что жена Брежнева еврейка. Возможно, это было её влияние? Мы ничего об этом не знаем. Но принятое решение состояло в следующем. В качестве эксперимента отпустить в течение следующих 10 лет 300 тысяч евреев, и в то же время постараться избавиться от зависимости от них в Советском Союзе. Произошло именно это. К 1979 году Советский Союз оставило порядка 300.000 людей, 180.000 из них приехало в Израиль, а остальные в Америку. Что касается нашей борьбы внутри за выезд, то она была реальной, поскольку КГБ пыталось направлять людские слои, которые оно готово было отпускать. Как понятно сегодня, мы вели внутри борьбу за качество эмиграции, но сама её возможность была predetermined, как и количество выезжающих. КГБ было хорошо осведомлено о том, куда направляется та либо другая семья, и этим регулировало пропорцию едущих в Израиль и в Америку. В 1979 году они отпустили только тех, кто уезжал в Америку, и объявили, что в Израиль никто не едет, и эмиграция закрывается. “Последний вагон отошел” - заявил один из официальных журналистов. Эмиграция семидесятых годов закончилась. 300.000 евреев оставило Советский Союз, план был выполнен. И КГБ победило, оно остановило эмиграцию, которой противилось.

Заседание Политбюро, 1973.

Но я напомню, что мы всё ещё в 1968/1969 годах. С тяжёлой формой антисемитизма я снова встретился, когда подавал свою докторскую диссертацию в 1969 году. Но это уже не

тема этого рассказа, потому что я уже полностью созрел, как еврей.

Наш путь в эмиграцию, и саму эмиграцию, я описал в книжке «Короткие истории», в рассказе «Эмиграция». Нет надобности повторять его. Это отдельная глава нашей жизни. Однако я могу добавить к ней некоторую информацию. Я написал в рассказе об эмиграции, что одним из двух толчков, которые помогли нам преодолеть психологический барьер, и подать заявление о выезде, был введение платежей за образование на выезд. Они были огромны. Я не представляю себе, кто мог иметь такие деньги, заработанные по закону. Поэтому я решил, что существует договор между еврейскими организациями и властью в Советском Союзе о фактической покупке евреев из России. И мы сразу подали заявление на выезд.

Примерно 30 лет после эмиграции, Тель - Авивский профессор физики Marek Karliner прислал мне очень интересный документ об этих платежах за образование. Оказалось, что в журнале «Новое время», 1996, № 9, стр.42-44, опубликована стенограмма заседания ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС от 20 марта 1973 года “о выезде за границу лиц еврейской национальности”.

Главная обсуждаемая проблема на этом заседании была оплата за обучение отъезжающих эмигрантов. Эта оплата мешала Брежневу наладить отношения с президентом Никсоном. Из-за неё сенатор Джексон внес поправку к законопроекту о предоставлении России режима наибольшего благоприятствования. Обсуждение выглядит почти-что комично. Брежнев критикует Андропова и других вовлеченных людей за то, что они не выполнили его распоряжения не применять указ об оплате. Брежнев: “Оказывается, ничего подобного. До сих пор взимают плату. В 1973 году отправлено 349 человек, с которых взыскано

полтора миллиона рублей. У меня справка есть об этом.” И дальше: “То ли мы будем зарабатывать деньги на этом деле, то ли проводить намеченную политику в отношении США....Джексон успел внести поправку еще до внесения Никсоном законопроекта о предоставлении нам режима наибольшего благоприятствования”. Я продолжу цитировать Брежнева и опускаю оправдывания Андропова. “Юрий Владимирович (Андропов), извините, вот справка. Я ее читаю: в 1972 году из 29 тысяч 816 человек лиц еврейской национальности, выехавших из СССР, 912 человек, имеющих высшее образование, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, возместили затраты в сумме 4 миллиона 427 тысяч рублей. Это за 1972 год. За два месяца 1973 года выехало 3318 человек, из них 393 человека, имеющих образование, заплатили миллион 561 тысячу 375 рублей. Вот что стоят наши общие разговоры. Поэтому сионисты воют, Джексон на это опирается. ...А Киссинджер говорит Добрынину: помогите как-нибудь, Никсон не может пробить законопроект. ... Зачем нам нужен этот миллион.” (Я пропускаю часть обсуждения). “АНДРОПОВ. С понедельника едут не 600 человек, а полторы тысячи.

БРЕЖНЕВ. Отпусти 500 второстепенных лиц, а не академиков. Пусть они говорят, что с них ничего не взяли. Возьмите пару инженеров с высшим образованием, не имеющих никакого отношения к секретам, например из пищевой промышленности, - пусть едут, Но не с оборонной промышленности. Пускай и инженеры едут бесплатно. Это временный тактический маневр.”

И после короткого обсуждения, как можно пропагандировать еврейский вопрос, новые откровения:

“Я так рассуждаю: открыли в Москве одну школу, называется еврейская. Программа вся та же, как и в других

школах. Но в ней национальный язык, еврейский, преподается. Что от этого изменится? А ведь их все-таки три с половиной миллиона, в то время как цыган, может быть, 150 тысяч. Я эту дерзкую мысль задал сам себе. Но так как я всегда полон откровения, то я думаю - никто ни разу не предложил, а что если разрешить еврейскую еженедельную газету? У нас раз в неделю маленькие газеты выходят в Биробиджане. Не все ее прочтут на еврейском. Прочтет еврей, старый Абрамович прочтет, а там-то, что ТАСС передает.....Я это говорю свободно потому, что я еще не поднял руки за то, что говорю. Я просто пока - руки по швам и рассуждаю, вот в чем дело.” И, наконец, принятое решение:

“Мы просим вас в этом месяце отпустить одну партию - 100 чел., затем вторую - 100 чел., третью - 100 чел. и не брать с них налогов, включить несколько второстепенных специалистов - вот о чем идет речь.” Официальная часть закончена, и напоследок Брежнев рассказывает одну историю:

“Скажу об одном случае. Как-то приехал ко мне Антон Гаевой в Днепропетровск. Было воскресенье. Я говорю: знаешь что, Антон, давай сходим куда-нибудь. В это время открывалась филармония, как раз 200 метров от нашего дома. Я говорю ему - в филармонию какая-то певичка Соня приехала. Я даже не понял, что фамилия у нее еврейская. На концерте оказалось 100 процентов евреев. Только Антон Гаевой и я с супругами оказались среди них. А эта Соня пела еврейские старинные и свадебные песни. Только песенку споет, а зал кричит: bravo, Соня! Если открыть еврейский театр, то он будет бездотационный и будет приносить прибыль в бюджет. КОСЫГИН. Тогда я запишу в доход. “

В обсуждении речь шла о потерях государства, если налог перестанут взимать. И Брежнев объяснил, что один еврейский театр в Москве принесет больше доходов.

(Короткая справка: до переезда в Москву, Брежнев был первый секретарь обкома в Днепропетровске)

Эмиграция, 1973.

Как я уже упомянул выше, я описал в другом рассказе “Эмиграция” как нам удалось добиться эмиграции. Здесь я хочу говорить об эмоциональной стороне этого процесса, и о том, как это воспринимали со стороны.

Директором нашего института и основателем всей Черноголовки был профессор Дубовицкий. Как я уже писал, это был филиал Московского института химической физики, и Дубовицкий был заместителем директора главного института в Москве Семёнова. Он был жесткий человек, и фактическим мэром Черноголовки. В его руках была огромная власть, и тем более удивительно, что он явно относился с симпатией к моему отъезду. Однажды, когда я был в процессе отказа, он вызвал меня к себе. Всегда чрезвычайно занятый человек потратил на меня что-то вроде часа. Мы говорили о жизни и о моём отъезде. Он перечислял разных других ученых Москвы, которые подали заявления на выезд. И о каждом говорил, кто куда поедет. Он знал это довольно точно. Я запомнил во всей этой беседе лишь один эпизод, настолько яркий, что он заслонила всю остальную беседу. Назвав кого-то, он произнёс, что тот человек поедет в Америку, “Хотя кому он там нужен”

- добавил он и продолжал с настоящим пафосом: “ А вы поедете в Израиль. И правильно, едите туда и защищайте свою маленькую страну от окружающих врагов!” При этом он размахивал двумя руками, как если бы бил ими по столу. Правда, потрясающе? Я даже подумал, может быть ему “заказали” так говорить со мной? Но вроде бы от меня никто ничего не хотел. В другой раз он пересекся со мной в приемной в его кабинет. Я должен был взять у его секретарши какую-то бумажку. А тут вошёл он по дороге в свой офис. “Ну как, Мильман, я слышал хорошие новости” - сказал он. Я не понимал, я ничего не знал. Его секретарша вскочила: “Вы отказались от иммиграции?” – вскричала она. “Заткнись, дура” - проговорил Дубовицкий и ушёл в свой кабинет. Я подумал тогда, что он уже знает, что меня отпустят. Звонок о том, что я могу “убираться”, мы получили примерно через полтора месяца.

Еще один, и опять удивительный, эпизод с Дубовицким. Мы получили разрешение и должны были перевести в Москву какие-то наши вещи. Хоть мы и не брали багажа, но всё же заполнить машину мы должны были. Но где взять машину? Такси в Черноголовке не было. Дело не в деньгах, но кто решится вести нас, изгоев. Кому захочется потом объясняться в КГБ. И я иду к Дубовицкому и прошу его помочь, сказать какому-либо шофёру, чтобы он нас повёз. Дубовицкий стоял и думал, и затем сказал: ”Я не могу приказать шоферу вести вас. Но я могу дать ему отпуск на этот день А вы уже сами его попросите”. Вот так. Очевидно, он сказал шоферу - вези. У шофера не было вопросов. Я попросил, и он сказал “да”. Он вёз нас даже дважды: в один день багаж, который мы отправляли, а через несколько дней нас, уже в день отлёта.

Ещё одна черноголовская история, беседа, которая показалась мне тогда странной. Но события в России впоследствии развивались именно в направлении этой беседы. Несколько молодых и хорошо известных в Черноголовке учёных (не математики), очень хотели говорить со мной “о жизни”. Их радовало моё желание эмигрировать. Они считали правильным, что евреи должны уезжать в Израиль. Их беспокоило количество “национальных меньшинств” из Азии и Кавказа, которые заполняли Москву. “Они должны жить у себя, русский народ исчезает, он растворяется в этих народах” - так говорили они. Я объяснял, что у них нет выхода. Это одна огромная страна, и они могут жить и здесь. И тогда я услышал, что они не хотят “империи”. “Мы готовы сократить Россию до участка между Москвой и Ленинградом. Лучше оставить территории, чем потерять народ.” Это было что-то очень новое для меня. но мы видим, это поколение подросло, и добровольно развалило Советский Союз, избавив Россию от Азии и Кавказа.

Наконец Израиль!

Очень непонятные проблемы возникшие при нашем отлете, я описывал в рассказе “Эмиграция”. Так что здесь мы уже сидим в самолете, который летит в Вену. Кроме нас, троих, мы с Людой и дочерью Ларой, ещё одна женщина с дочкой едут в Израиль. И несколько других евреев направляются в Америку. Их встречали в Вене около самолета. А мы подошли к входу в здание, и пограничник показал нам рукой “ждать”. Представитель сохнута, который должен был встретить нас, опаздывал, я думаю, минут на 15. По магазинам бегал, пошутил бы я сегодня; но тогда мы очень волновались. Ведь мы ничего не знали, не понимали, и кроме как на русском языке ни с кем объясниться бы не смогли. Наконец он прибежал. Нас

держали в Вене , в каком-то замке, два дня (то есть две ночи). На всех нас пятерых дали одну комнату. Но это нам не мешало. Внутреннее напряжение было очень большое. Конечно, Россия позади, но всё незнакомо. Нас провезли по Вене, посмотреть. От всего этого я только помню, что мы купили Ларисе банан, попробовать. Мы никогда не ели бананы, но себе не купили. Мы имели всего пару сотен долларов, и боялись их тратить. Наконец огромный самолет, Джамбо, взял нас из Вены в Тель-Авив. “Нас” - это была уже значительная группа. Собрали приехавших за несколько дней, и не только самолетом, но и поездами. Нам объяснили, это самолёт прямого рейса из Нью Йорка в Израиль. Но пассажиров спросили, готовы ли они сделать остановку в Вене, чтобы взять евреев из России. Все с энтузиазмом согласились. (Я пишу это, и комок стоит в моём горле. Эмоции до сих пор, 47 лет спустя, слишком велики, голос дрожит и воспоминания сжимают сердце; мне кажется, что я плачу). Это было начало большой эмиграции, каждый уезжал с трудностями и риском. И все хотели помочь. Было, кстати, 25 Июля 1973 года.

Самолёт приземлился, и мы пошли к терминалу. В то время к терминалу шли ногами, по земле. Было уже темно, однако жара была невозможной. Нам “повезло”, был тяжёлый хамсин. Но мы не знали этого, и считали, что так будет всегда. В терминале нас ждали. Во-первых, там был мой двоюродный брат Урий, который приезжал к нам в Россию. Я описывал это в рассказе “Эмиграция”. Его роль в нашей эмиграции была огромной. И кроме того, официальные люди из отдела, занимающегося эмиграцией из России (“Натив”, полусекретный отдел) ждали мою семью. Увидев Урия, я схватил его и зарыдал. Напряжение всего этого времени, месяцев, даже лет, выходило наружу. Оно и сейчас выходит, когда я пишу. Видимо, оно никогда не

сможет оставить меня полностью. Глава Натива, очень влиятельный человек по фамилии Кроль, подошел поговорить со мной. Я думаю, он знал Урия. Израиль была очень маленькая страна в то время. И на него произвело огромное впечатление моя реакция. Он задал несколько вопросов, и попросил меня поговорить с несколькими представителями парламента, я думаю Финляндии, которые были там и хотели увидеть эмиграцию из России. Я подошёл с ним. Кто-то спросил меня, что я думал, когда начинал процесс эмиграции. Я стоял с красными, ещё заплаканными глазами, мгновение подумал, и смущённо сказал: “ Простите, я уже не помню”. По реакции я понял, что это был самый сильный ответ, который я мог дать. Кроль обнял меня за плечо и повел к Урию. Впоследствии, он очень много помогал мне в моих занятиях эмиграцией ученых.

Уже 28 Июля я встретился с Ювалом Неэманом, Президентом тель-авивского университета в то время. Он пригласил меня к себе. Конечно, я помню эту встречу, ощущение содержательной беседы сохранилось в памяти, но я не знал ни слова на иврите и почти ни слова на английском, а с другой стороны лишь секретарша Юваля Неэмана понимала несколько русских слов - и то плохо. Но как-то я понял многое и он понял многое (включая необходимые шаги по увеличению эмиграции евреев из России - Юваль понимал происходящие процессы так, словно когда-то жил там). И главное для меня: я был приглашен начать работу профессором университета с 1 августа.

Многое, очень многое из того, что мне удалось впоследствии сделать для приема и устройства математической эмиграции в Израиле, было связано с поддержкой Юваля Неэмана. И это было заложено во время

той встречи на третий день после приезда в страну. Я описал это в статье «От Русской математики – к Израильской», в книжке “Notes From My Life” .

Казалось бы, всё было легко, однако надо было учить языки, иврит и английский, и возвращать свою голову в математику. Это заняло, только первый этап, порядка двух лет. Впрочем, в это время была также война , Война Судного Дня, октябрь 1973 года, и это заняло мою голову на, примерно, пол года. Математика пошла лишь к концу этих двух лет, и я боялся что она не вернётся. Я поставил себе границу, и решил что уволюсь из университета, если она не пойдёт к определенному числу. Мы уже наметили, в какое из новых поселений (на “территориях”) мы поедем. Но вдруг всё пошло, и даже очень-очень серьёзно. Привыкать к новой жизни не было легко. Трудности не были обычны. Например, огромный выбор продуктов в супермаркете (что взять?). Мы привыкли к тому, что есть только один вид сыра; мясо, если есть, то хватай и не выбирай. А здесь было всё, и в огромном разнообразии. Но к этому мы привыкли, к хорошему вообще привыкают быстро.

И началась «рутина» нашей новой жизни, жизни в Израиле.

Начало жизни в Израиле; сверх-везения (1973-1978).

Поскольку в этой части я описываю не математическую адаптацию, а как мы устроились в Израиле, как

приспособились к новой жизни, то двумя главными событиями были, конечно, покупки машины и квартиры. Невероятные везения сопутствовали нам в обоих случаях.

Покупка машины.

Как я уже писал, мы приехали в Израиль 25 июля (1973), а с 1-го августа я уже работал в университете. Конечно же, больше всего я желал вернуться в математику и начать работать. Я имею в виду получать результаты в математике. Несколько лет фактического перерыва в работе повлияло очень сильно. Было трудно сконцентрироваться и начать. Изучение языков, иврита и английского, тоже сильно отвлекало. А через 2 месяца началась война Судного дня. Так что ясно, где были все мои мысли. Только не в покупках. Все приехавшие со мной друзья уже купили машины. Для олим (то есть новых эмигрантов) машины были на много дешевле, поскольку мы покупали их без налога. В итоге, не я нашёл машину, а машина нашла меня. И произошло это уже после более полугода нашей жизни в Израиле.

Из-за Войны Судного дня, цены на нефть, а значит и на бензин, сильно подскочили. Ситуация с будущим этих цен была не ясна. Поэтому люди не хотели покупать машины с большим расходом бензина. В итоге был потерян интерес к одной из лучших существующих машин, Mercedes. Это было введение, а теперь история. В одном из соседних с нами ульпанов, где изучали иврит наши друзья, с ними в группе была женщина, тоже новая эмигрантка из Швеции, средних лет. Её уже не молодой и очень зажиточный муж купил ей мерседес 72-года. Однако она, шведка, привыкла ездить на Volvo, и муж немедленно купил ей Volvo. Эта Volvo пришла в порт Хайфы, и должна была пройти налоговый сбор. Для новых эмигрантов эта машина тоже освобождена от налога. Однако только одна машина

может быть освобождена от налога, и поэтому эта семья обязана была продать Mercedes. Но могут они продать машину только другому новому эмигранту, поскольку на неё не оплачен налог. И оказалось, что он не может продать Mercedes, эта машина вдруг не в моде. И каждый день надо оплачивать стоянку Volvo на складе в Хайфе. Я оказался единственный новый эмигрант ещё без машины. После долгих уговоров с его стороны, я решился попробовать. Поскольку мои колебания были искренними, я не торговался, и денег я действительно не имел, то цена упала очень существенно. В долларах это было примерно 4.000, при этом чуть больше, чем 2.000 вначале, и 12 равных чеков, в месяц по чеку. Даже тогда это считалось почти что без денег. (Надо помнить, как много он платил за простой его Volvo в порту Хайфы). Мой сабра (то есть рождённый в Израиле) кузин Ами проверил машину. Ами был мой советник во всех финансовых вопросах, с которыми я сталкивался в Израиле. Он был тогда заместителем директора одной из самых больших фирм Израиля Tadiran, и понимал всё, что происходит вокруг, лучше, чем кто бы то ни было, кого я знал (и узнал) за всё моё время в Израиле. К сожалению, он умер несколько лет назад. Это было огромным ударом для меня. Но тогда он поехал на этой машине и сказал: «Все вокруг будут косо смотреть на тебя, но машина замечательная, и я советую купить». Я купил, и это оказалось невероятное везение. Например, через 5 лет, когда я уже имел право продать эту машину, и мне нужно было заплатить первый взнос за новую, уже не олимовскую квартиру, кабланы (то есть строители этого дома и его продавцы) согласились взять у меня вместо денег этот Mercedes, оценив его в \$12.000. Свободных денег мы не имели тогда совсем, и без этого Mercedes квартиру не могли бы купить. Забегая вперед, я скажу, что в той новой квартире мы прожили 35 лет! Так же

мы проехали на нашем Mercedes-е через всю Европу, и смогли взять в Париже у художницы Мандель её альбомы и много картин только потому, что путешествовали на большой машине. В рассказе о Мандель (в книжке об искусстве) я рассказал это подробно.

Покупка квартиры.

Покупке квартиры сопутствовало еще больше везения, чем при покупке Mercedes-а. Я имею в виду нашу вторую, не олимовскую квартиру. Но два слова о нашей первой квартире. Её нам предложил Сохнут, не сразу, и после определенных проблем. Но это неинтересная и противная история, и я оставляю её. Квартира эта была в Бней-Браке, но в маленьком не религиозном районе Бней-Брака, в Кирият Герцог, небольшой район около пересечение квиша Гея и улицы Жаботинского. Расположение этого района было средним, не совсем плохим и не особенно хорошим. Но, как мы увидим, нам очень с ним повезло. Только не подумайте, что олимовскую квартиру вам дарят. Мы купили её за примерно \$30.000, и это была её нормальная цена. Однако нам записали большую часть стоимости в долг, который мы выплачивали с обычными банковскими процентами. По прошествию 5 лет жизни в Израиле, мы собрались ехать в Америку на саббатикал. Мой двоюродный брат, сабра, Hilik Milman (как видите, тоже Мильман) подписал договор о покупке для себя новой квартиры в Ramat-Hasharon-е . Дом только строили, и рядом был кусок земли, где те же строители (кабланы) собирались строить ещё один дом. И Hilik “соблазнил” нас купить квартиру в том доме (в котором и землю ещё не начали раскапывать).

То есть нам захотелось её купить. Но как это можно реально достичь. Мой кузен Ами, родной брат Hilik-а, о котором я уже писал выше и который помог нам купить машину, взял

на себя переговоры с кабланами. Я сразу же почувствовал, что они очень хотят продать мне эту квартиру. Я спросил у Ами, в чём их интерес. И он объяснил. Я - их первый покупатель на этот новый дом, в котором будет 6 квартир. Люди не очень доверяют покупать квартиру, когда землю еще даже копать не начали. И кто будут соседи? А тут профессор университета уже купил первую квартиру. Теперь они смогут продавать другие квартиры намного дороже. Так что они с лихвой окупят скидку тебе. И поэтому они сразу же предложили купить у меня Mercedes, и поговорив, предложили за \$12.000. Ами считал это великолепной ценой. Машину я всё равно должен был продавать, ведь мы уезжали в Америку на два года. Итак, первый взнос был сделан. Однако ещё очень-очень много надо было найти. Я получал от университета деньги на мой Шабатон, и должен был получать какую-то зарплату. Так что все деньги, которые я получил на шабатон, я должен был пересылать кабланам весь следующий год. Но и этого совершенно не хватало. Затем планировалась продажа той квартиры, в которой я в это время жил. Это должен был быть последний взнос. Всё было очень впритык, и я боялся, что что-то может сорваться. Например, уже начиналась серьёзная инфляция. Поскольку договор писался в израильских лирах, надо было поставить инфляционный коэффициент на все последующие оплаты. Я обязан был с этим согласиться, но я поставил условие, чтобы был назначен максимум. Пусть они между собой решат, какую максимальную инфляцию они ожидают, и поставят эту границу, коэффициент, выше которого я не плачу. Я хотел знать цифры, максимальные цифры, которые я должен буду платить. Мне кажется, что тогда официальный курс был 6 лир за один доллар. Ну они и решили, что выше 12 лир доллар не подымется. Возможно я не помню точных цифр, но максимум назначили с

большим запасом. Однако инфляция взорвалась. Меньше чем за год она прошла назначенный максимум. Подписанная мною сумма превышала 1 млн лир, то есть больше \$150.000, а когда я посчитал, сколько я в итоге заплатил, это было порядка 75.000, в два раза меньше. Но это даже не всё везение. В Иране произошла революция, и шаха сменил Хумэни. Евреи Ирана бежали в Израиль. Kiriyat Herzog, где была моя старая квартира, приглянулся этому потоку. Район был в религиозном городе, но не слишком религиозным. Ровно то, что эти люди искали. Мои родители занимались продажей моей квартиры, пока мы были в Америке. Это оказалось очень легко, и её цена очень подскочила. В результате, мы не только расплатились за новую квартиру, но и полностью выкупили машканту за старую. Вернувшись летом 1980 года в Израиль, мы имели великолепную квартиру, не имели никаких долгов, и даже аж целых \$2.000 на нашем счету (смейтесь нашему “богатству”). Конечно, эта покупка не была бы возможна без помощи и контроля со стороны моих родителей. Мама контролировала всё, пока мы находились в Америке. Спасибо им!

Эмиграция.

(из книги «Короткие Истории»)

Сейчас 2020 год. Мы эмигрировали в Израиль 1973 году. Это было так давно, что конечно же почти всё забыто. Но некоторые события были настолько сильными и настолько трудными, что я помню их до сих пор как вчера.

Эмоциональный старт был конечно же 1967 год и Шестидневная война.

Мы стали гордиться Израилем и собою. Думать об эмиграции из секретного научного городка, Черноголовка, где мы жили тогда, было невозможно. И мы не думали об этом.

Разные события начали эмоциональный накал. Но для нас пик и переломный момент пришёл извне. Мой двоюродный брат, сабра из Израиля, Uri Shafrir, неожиданно посетил нас в составе очень большой научной делегации из Соединённых Штатов.

За этим тоже стояла некоторая история. Он был в составе делегации, но Россия вычеркнула его имя и визы не дала. Тогда вся делегация, больше 100 человек, отказалась ехать в Россию. И ему позволили, и даже позволили быть не только в Москве, но и посетить его родственников в Одессе (то есть моих родных). В результате мы виделись в Одессе, и затем вместе летели в Москву. Детали этого визита совершенно не важны, поразил нас сам человек, Урий. Он был расслабленный и свободный человек, в отличие от нас сгорбленных и ходящих с опущенной головой. Я вдруг почувствовал, что могу быть гордым и свободным. И с этой минуты я захотел быть таким.

Отвлекусь. Очень много лет спустя, в середине либо конце девяностых годов, математик возраста моего отца Красносельский посетил Израиль. Я проводил его однажды домой из университета. Прощаясь, он сказал мне: "меня поражает и восхищает уровень вашей раскрепощенности и свободы. Это удивительно, я счастлив видеть вас таким". Я вспомнил визит Урия. Перевоплощение удалось.

Я вернусь к 70/71 году, к визиту Урия. После его отъезда, размышления об иммиграции стали реальностью. Однако проблема жизни в Черноголовке оставалась.

У нас были и другие барьеры к эмиграции. Возможно, не менее серьезные.

Наш друг того времени, очень известный профессор физики Марк Азбель, говорил нам: "Как ты можешь, Виталий, думать об эмиграции. Тебя никогда не отпустят. Меня отпустят лет через пять, но не тебя. Что ты делаешь со своей семьей". Действительно, это была огромная проблема.

Должен был быть какой-то толчок, чтобы можно было преодолеть этот психологический барьер.

Он произошёл в семьдесят втором году летом. И их было даже два. Во-первых, убийство израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене было абсолютным шоком. И во-вторых, были введены платежи за образование на выезд. Они были огромны..

Я не представляю себе, кто мог иметь такие деньги, заработанные по закону. (Хотя многие имели). Поэтому я решил, что существует договор между еврейскими организациями и властью в Советском Союзе о фактической покупке евреев из России.

И мы сразу подали заявление на выезд.

Уже этот первый шаг подачи заявления не был тривиальным. В числе документов надо было иметь так

называемую характеристику с работы, то есть надо было сообщить на своей работе, что ты готовишься иммигрировать. Это влекло немедленные репрессии.

Тебя могли уволить, и тогда не на что было бы жить. Но тебе просто могли отказаться давать такую характеристику, и ты не мог бы собрать нужные документы.

Я обошёл это. Уже известная в отказе семья Levich помогала мне. Я собрал все остальные нужные документы и послал их специальным письмом самому председателю Верховного Совета СССР (кажется, тогда это был Подгорный). Был такой метод, хотя не много людей решались его использовать.

Формально, прошение об эмиграции должно было быть подано по месту жительства.

Черноголовка принадлежала ногинскому району, и подать прошение надо было в Ногинске. Спустя какое-то время после моего письма Подгорному, может быть через месяц, а может быть и через два, пришло извещение из Ногинска явиться в соответствующий отдел. Я приехал. Военное лицо в должности полковника принимало меня. Он держал мои документы, которые я послал, и сказал: "Вы знаете, чтобы я с вами сделал. Но председатель тов.Подгорный согласен, чтобы я принял Ваши документы. Так что я их приму".

Формальный этап подачи был пройден.

В этом состоянии мы провели примерно 8 - 9 месяцев. Это была другая жизнь, совершенно другой период в нашей жизни. Он не был похож ни на нашу предыдущую жизнь, ни нашу последующую жизнь. С одной стороны, опасность была всюду, в каждом шаге. Но с другой стороны, мы были почти что свободные люди. Мы позволяли себе вести себя как никогда раньше. Например, я носил золотой маген-давид (то есть жёлтый) на своём пиджаке чтобы все видели. По традиции, институт, в котором я работал, устроил митинг протеста против меня. В огромном

зале собралось очень много людей . Пришли и много друзей, но не чтобы меня поддержать . Никто из них не посмел сказать и слова. Просто чтобы увидеть, что они со мной будут делать. Я помню это напряженное жаркое собрание. Но не детали, о чём шла речь. Те, что я помню, были абсолютно не интересны. Но результат был интересным. Я чувствовал себя победителем. И по-видимому не только я, потому что такие собрания больше не проводили в институтах Академии Наук. Так что я освободил тех, кто следовали за мной, от этих унижений.

Другой пример. Мы имели в нашем научном городке замечательный кинотеатр на много сотен людей. Я думаю, он мог бы вместить всех жителей городка, кто хотел бы быть там одновременно. Ну и конечно, из-за моей подачи, в этом театре провели лекцию об Израиле и сионизме. Конечно же, идея состояла в том, чтобы очень критиковать Израиль.

Но я тоже пришёл на эту лекцию, чего никто не ожидал. Гулял перед началом в вестибюле, со мной очень осторожно и вежливо здоровалось всё начальство, которое было там, и меня аккуратно показывали приезжему лектору. Уже в этом месте “цирк” не шёл по их правилам. Затем была лекция. Очень осторожная, без всякой критики. Лектор получил много записок с вопросами, и поскольку не было известно, не я ли написал какую-либо из них, некоторые из них были более острыми, чем можно было ожидать. (Я не писал записок).

Я уверен, это было ещё одно очко в мою пользу. Было на самом деле и много других. Мне не хочется на них отвлекаться.

Однако это не продвигало получение разрешения. И вот нас вызывают в ОВИР (это то учреждение, которое занимается выдачей разрешений на выезд). Нам объявляют отказ, отказ абсолютный на всю жизнь.

Конечно же мы в шоке. Хотя ожидали этого. Некоторые евреи всё время дежурят в вестибюле этого здания, чтобы знать что происходит и посылать информацию на Запад.

Мы сообщаем, что получили отказ, и наши имена будут ещё сегодня вечером переданы на запад: Мильманы в отказе.

Мы, я и Люда, отправляемся на автобус ехать домой в Черноголовку. Вначале метро, затем автобус, который будет идти 45 минут. Это оказалась самое важное время, во время которого я понял, что мы должны делать и как уехать. (приехав домой, я первым делом звонил в Москву и просил остановить информацию, что у меня есть отказ; теперь это могло навредить).

То, что я неожиданно понял в этой поездке, это то, что в нашем невероятно бюрократическом режиме, любая информация переходит из одного места в другое по специальной форме. И значит есть форма, которую мой институт должен был заполнить и послать в ОВИР с ответом на их запрос, использовал ли я свой допуск (к секретным документам). Мы все в этом институте имели высокий уровень допуска. Но его использование регистрировалось. Итак, главный вопрос теперь был, какой шифр этого документа.

Мне опять невероятно повезло (уже в какой раз в моей жизни).

В автобусе в котором мы ехали в Черноголовку, на заднем сидении в самом конце сидел человек, который был начальником соответствующего отдела (он назывался Первый отдел) параллельного института. Не нашего института, другого, второго по величине в этом месте. Директором института был Осепян, армянин (наполовину еврей, как мы знали), его начальник этого первого отдела тоже армянин. Мы были с ним знакомы, и он выглядел симпатичным человеком. Важность того, что он армянин, состояла в том, что армяне симпатизировали к нашему

еврейскому выезду из России. Автобус был почти пуст. Середина дня и мало кто ехал в это время. Я отсел от Люды, и перешел к нему в самый конец, где никого не было рядом. И выглядя нейтральным, просто человеком, которому в автобусе нечего делать, спросил, есть ли такая специальная форма о моём использовании моего допуска. Он ухмыльнулся, и ответил. “Я знаю, почему ты спрашиваешь. Есть, я скажу тебе её номер, и более того, по твоему запросу тебе обязаны его дать. Но если когда-нибудь, где-нибудь ты скажешь, что я тебе это сказал я тебя уничтожу”.

Всё!, в моих руках было оружие. Мы приехали домой, я выдержал пару дней, чтобы никакой связи с моей поездкой в автобусе не было. Затем я пришел в наш Первый отдел, и совершенно невинно попросил дать мне документ под таким-то номером.

Произошло замешательство и переполох. Человек, к которому я обратился, попросил подождать и побежал к начальнику. Все они знали, кто я. Моя семья была единственной подавшей документы на выезд в Израиль во всём городке. Прошло какое-то время.

Человек этот вышел и сказал: « мы получили запрос на этот документ из ОВИРа, и мы ответили на этот запрос. Пожалуйста (очень вежливо), не просите у нас эту форму, но мы сообщим вам, когда мы послали ответ и что там написано.» Для меня этого было достаточно, и это было абсолютной победой, по крайней мере этого раунда.

Конечно же, в их ответе было написано, что я не использовал своего допуска. Как могло быть иначе. Ведь если бы они позволили мне использовать мой допуск, то значит, они не разглядели во мне врага. Они были бы виноваты. Поэтому они написали, что я не использовал. Хотя возможно, я использовал его когда-то, я честно не помню.

Теперь я мог подавать апелляцию.

Через какое-то время, я помню через месяц либо два, меня вызвали для рассмотрения моей апелляции. Это был начальник овира, я думаю, всей Московской области, генерал с двумя генеральскими звездами.

И опять, невероятное везение. На это же время был вызван мой очень хороший знакомый профессор физики Гитерман (в последствии, приехав в итоге в Израиль, он был профессором в университете Бар Илан), но он пришёл раньше и потому вошёл первый.

Дверь к генералу была приоткрыта, и взаимный крик и шум слышался в коридоре.

Генерал говорил, что у него допуск к секретной информации и поэтому он не может уехать. Гитерман кричал, что он никогда никакой секретной информацией не пользовался. Через какое-то время он ушёл, и вошёл я. Я был очень спокоен, посетовал генералу за нервного и возбуждённого предыдущего посетителя.

Генерал почти почувствовал родную душу и стал успокаиваться. “ А зачем вы пришли?”- спросил он . Я объяснил, и это было тоже, из-за чего тут был Гитерман. Генерал занервничал и сказал, как же меня отпустить , если у меня есть допуск.

Конечно же, парировал я, конечно меня нельзя отпустить (пауза),

если я им когда-либо пользовался. Но, такого-то числа мой институт послал вам форму (я сообщаю её номер), в которой написано, что я никогда не пользовался своим допуском. Генерал растерялся, стал хватать бумажки на столе, на котором почти не было бумаг. “ Я не вижу сейчас этого письмо” - сказал он, явно волнуясь. “ Ничего”-реагировал я, вы найдете его позже.

“ Да, да” , обрадовался генерал, “и вы конечно получите разрешение, если вы не пользовались”. (Он явно всё ещё

не верил в это письмо). ВСЁ ! , я мог уйти. Теперь я имел права, я мог впоследствии требовать, и что-то обсуждать. Я считал, что путь на выезд ещё долог. Но я ошибся, я не получил больше отказа, и через несколько месяцев мы получили разрешение. Я позвонил в ОВИР уточнить насчёт моего брата, Pierra Milman, который независимо подал просьбу об эмиграции примерно в то же время, чтобы узнать, что слышно у него. И получил нервный ответ: “Забирайте его с собой”.

Я должен сказать, что по дороге к этому событию было ещё очень много разных и занятных приключений. Но сейчас у меня нет настроения вспоминать всех их.

Но сам процесс выезда содержал какой-то неизвестный мне элемент и я хочу о нём рассказать. Мы уже в аэропорту. Нас провожают родные и какие-то друзья. Двое людей, в моём понимании представители КГБ, проверяют бумаги, которые я собираюсь вывезти.

Естественно, у меня, как учёного, было очень много оттисков разных людей, подаренных мне. Это естественно и обычно в России. Пока проверяется багаж, эти двое забирают меня в отдельную комнату с целым чемоданом этих оттисков. Они видят дарственные подписи мне и удивляются, спрашивают кто я, и услышав ответ (доктор наук, из Черноголовки), реагируют “не верим, вы не можете получить разрешение на выезд”. Один из них подходит к телефону в дальнем конце этой комнаты, кому-то звонит. (Опять везение. Невероятное везение, как станет понятно позже). Происходит короткий разговор, и он возвращается и говорит второму: “достаточно”, и мы возвращаемся в зал, где продолжают проверять багаж у Люды. Есть еще несколько деталей которые меня очень волнуют. Не всё, что я везу, легально. И я боюсь, они знают об этом и просто ждут. Но весь просмотр заканчивается и

мы идём на второй этаж, где тогда был пограничный пропускной пункт.

Я даю документы пограничнику, он смотрит и говорит "они не действительны".

Я в ужасе, и он прав. Когда мы получаем документы на визу, на них написано "действительны 30 дней" с момента подписи, когда я их получил. Но я не подписал бумаги, когда получал их. Мы должны были платить за право выезда порядка 1000 руб.

Эти деньги равнялись годовой зарплаты Люды, и полугодовой моей. Таких денег у нас близко не было, и их надо было найти, одолжить. Поэтому я не подписал Документ, и они позволили мне прийти и подписать, когда я увижу, что смогу собрать деньги.

А я забыл. Но один из двух сопровождающих нас лиц, КГБ-ст, который раньше говорил по телефону, останавливает меня, подходит к пограничнику, и говорит "пропусти". Но пограничник не хочет. Это разные ведомства, он и те, кто сопровождает меня. В этом месте небольшой коридорчик.

Мы в начале его, а в 10 метрах телефон. Сопровождающий меня человек идёт к телефону, звонит кому-то, кладет трубку и подходит к пограничнику: "Подойди к телефону". Пограничник закрывает вход и идёт к телефону. Слушает несколько секунд возвращается и пропускает нас.

Всё, мы покинули Россию.

Кому звонил человек КГБ? Кому-то, кто был одновременно и над ним и над пограничником. Это осталось тайной.

Впоследствии я обсуждал это в Израиле, с нашими властями. Они выдвинули определенную гипотезу. Но это другая история.

Послесловие. 1. Я упомянул в тексте профессора Осепяна, директора одного из институтов в Черноголовке в моё время там. Он очень выдвинулся в последствии, и был советником Горбачёва по науке. Очень скоро после установления дипломатических отношений между Россией и Израилем, он посетил Израиль и был даже, по видимому, официальным гостем Израиля. Мы встретились в университете и между нами был занятый разговор. Он сказал мне, что лишь год назад ему удалось открыть Черноголовку для гостей из-за границы. Конечно, для научного центра необходимо принимать гостей из-за границы, но Черноголовка была закрытым городом.

Он рассмеялся “ вы, Виталий, были моим основным аргументом в пользу открытия города все эти годы. Я объяснял наверху : Какие секреты у нас ещё могут остаться если Мильман уже в Израиле столько лет”. Мы оба смеялись.

2. Мы были первые, кто подали заявление на выезд в этом закрытом секретном городке. Очень много глаз наблюдало за нами. Я имею в виду всех тех людей, которые тоже хотели уехать. Наш успех повлиял на многих. Очень много учёных уехало из этого городка. История нашей борьбы была широко известна. Но всё равно меня поразило насколько. Очень много лет спустя, уже в середине девяностых, некий физик из Москвы (но который уже работал, я думаю, в Мексике) посетил нас в Тель-Авиве. Я не знаю его, он был другом одного из моих близких друзей, Мацаева, и мы пошли вместе на ланч. Я чувствовал, что он он как-то особенно смотрит на меня.

Во время ланча он не выдержал и сказал мне “ Я так рад познакомиться с вами; вы были нашей легендой в России”, и наговорил ещё много чего-то приятного.

Ещё более сильная подобная история произошла тоже в девяностые годы в Колумбусе, в доме моего друга Виталия Бергельсона. У него был гость и мы провели ужин вместе.

Тот говорил уже такие комплименты о том, что они, в России, пересказывали обо мне, что мне даже неудобно вспомнить.

Истории, связанные с Армией (1975 – 1982)

Жизнь в Израиле, по крайней мере до конца восьмидесятых годов, была эмоционально (и неразрывно) связана с армией. Нас было в стране слишком мало, и мы были обязаны регулярно уходить на сборы, так называемые милуим. Милуим - это Израильское понятие для нашей службы в армии, когда нас вызывают на короткие периоды. Обычно на учения. Первый для нас, олим (то есть эмигрантов), старше 25/30 лет, военный призыв называется тиранут (курс молодого бойца). Для олим он длится один месяц. Обычно, после короткого перерыва, он продолжается ещё один месяц уже как милуим. Затем, с интервалом примерно в один год, нас призывали в милуимы продолжительностью в 2 - 4 недели. Люди моей, да и многих других профессий, редко наблюдают жизнь вокруг нас после 30 лет. Поэтому милуимы часто приносили интересные и иногда смешные наблюдения. В книжке “Короткие рассказы” я описал как пьют (алкогольные напитки) в израильской армии. Это было в начале восьмидесятых, до приезда эмиграции девяностых годов из России. Израильтяне почти-что совсем не пили тогда, и история очень смешная. Наша русская эмиграция научила израильтян пить. В другой истории в той же книге, я описал мою “встречу” с кометой (Cometa West). Потрясающее зрелище, которое можно

было наблюдать только утром и в открытом поле. Я бы не видел её, не находясь несколько ночей в милуиме.

Я приведу сейчас ещё несколько историй и наблюдений, произошедших во время моих других милуимов.

Тиранут и первый милуим (1975).

Всё, что я помню от тиранута, это то, что жутко хотелось спать. Это касалось всех нас. Три эмигранта из Индии спали, не снимая ботинки. Экономили несколько минут для сна. Я и мои друзья всё же раздевались. Пытались остаться людьми. Ложились около полночи, и в 5 утра уже были на ногах. Мы не были так уж непрерывно заняты, но это было одним из пунктов обучения: умение не спать. Человек должен знать, на что он способен. И тогда, когда это нужно, он проходит это спокойно. Мне приходилось вести машину двое суток без сна, и почти что не спать в какие-то дни войны.

Сразу же после тиранута, я провел свой первый милуим в Синае, недалеко от Рафияха. Это очень близко от сегодняшней границы между Израилем и Египтом, но со стороны Египта. В этом месте была тогда очень большая танковая база Израиля. Несколько занятных вещей произошло там. Однажды я должен был поехать куда-то на грузовике. Но свободного грузовика “на ходу” не было. Тогда меня подвели к месту, в котором стояли в ряды новые русские грузовики. Их было, я думаю, много сотен. Их моторы блестели, они не закоптились, а на спидометрах было около 300 km. Это были египетские грузовики, наши трофеи шестидневной войны. Они дошли своим ходом от суэцкого канала до этой базы. Это было всё их участие в войне. Впрочем, и этот переезд был сделан израильскими водителями. Мне предложили взять

одну из этих машин. Но после многолетнего стояния, ни одна из них не завелась. Но всё же я посидел в кабине, пытаюсь её завести, и понял одну вещь. Всё было неудобно для шофера, включая сиденья. Не понимаю, как можно на таком сиденье просидеть десятки часов, как часто нужно во время войны. Я на нём и час бы не просидел. В Израильской машине, будь то командкар или грузовик, я чувствовал себя легко после многих часов. Скажем, на ливанскую войну я ехал непрерывно более 12-ти часов. И чувствовал себя легко и свободно.

Мне показали на этой базе наш танк, в котором погиб весь экипаж. Но я не увидел на нём ни одного повреждения. И мне показали малюсенькую дырочку, идущую в броне во внутрь танка. Это было действие кумулятивного снаряда. Горячая струя прошла во внутрь, и снаряжение (взрывчатка) самого танка взорвалось внутри, убив весь экипаж. Я был в шоке, и этот мой шок имел последствия, о которых я расскажу в следующем рассказе.

Одна смешная история. Я приехал на базу на своей машине. Я имел тогда Mercedes (причины, почему я имел такую великолепную машины, очень занятны, но не для этой истории). От нечего делать, я решил подкачать колёса моей машины. На базе было всё необходимое оборудование для грузовиков и танков. Я почти погиб из-за этого. На автостраде одно из колес взорвалось на скорости свыше 130. Но я удержал машину. Это было второе взорвавшееся колесо. Первое взорвалось, когда мы ездили по базе, и мы купили в Рафиях у арабов поддержанное колесо, чтобы доехать домой. И лишь на автостраде я понял (а может быть ехавшие со мной солдаты с базы объяснили мне), что я набрал воздух в шины на базе, где его набирают для грузовиков везущих на себе танки. И

ошибка в показаниях приборов, несущественная для таких грузовиков, может быть такова, что я загрузил давление в шины в 10 раз больше нормы, и шины, нагреваясь на шоссе, взрываются.

Ещё одна “смешная” история этого милуима.

Через несколько недель после окончания милуима мы отправились на несколько месяцев в Европу. На корабле из Хайфы мы отплыли в Грецию, взяв с собой нашу машину, и оттуда уже путешествовали по всей Европе. Нас было трое, я с женой и старшей дочерью Ларисой. Много интересных приключений произошло во время этого путешествия на своей машине через Грецию и Югославию в Австрию, Германию, Францию, Италию, и зачем на корабле из Италии в Грецию, и уже оттуда снова в Израиль. Но с моим милуимом связано лишь одно событие. Уже проехав всю Европу и находясь снова в Греции, я чистил и укладывал аккуратно всю машину, когда вдруг обнаружил на ощупь в темноте под моим сидением магазин с патронами от автомата Узи. Это могла быть катастрофа. За последующие годы несколько раз мы слышали по телевидению, как наши туристы задерживались в разных странах и проводили там иногда месяца (а возможно и года) в тюрьме именно за это: они не замечали, что случайно брали с собой оставшиеся от милуима патроны. Люда и Лариса не видели, когда я нашёл этот магазин. В начале я подумал отъехать куда-нибудь и выкинуть его. Мы стояли с машиной в кемпинге. Ничего не сказав никому, я предложил покататься куда-нибудь далеко. Посмотреть ещё Грецию напоследок. Но по дороге я передумал. Действительно, выкинутый такой магазин могут быстро случайно найти. И “привязать” его к израильянину на машине очень легко. Так что я рискнул взять его назад на корабль, оставив там же, где я

его нашёл. Кстати, как он туда попал очевидно. Я вез с собой из армии солдат, и у кого-то он просто выпал и закатился под сиденье. Итак, наша машина снова на корабле, и в ней магазин с патронами. На корабле я уже рассказал об этом Люде. Дальше было смешно. Когда нашу машину спустили с корабля, естественно, к нам подошли таможенники и спросили, что у нас есть доложить. “Есть” - сказал я и достал из под сидения этот магазин. - “Он случайно закатился под сиденье на моём милуиме, и я решил привести его назад и вернуть Израилю”. Они позвали всех остальных таможенников, и все вместе в голос смеялись. Нас не проверяли и позволили уехать. Остальные машины трясли как надо. Ведь очень много чего может поместиться в машину. Я думаю, мы были уже дома в Тель-Авиве, когда следующая машина оставила порт.

Израильский танк (семинар 1975-1976 года),

Последствие первого милуима.

Я уже описывал в предыдущем рассказе об эмиграции и начале жизни в Израиле, какое тяжёлое ощущение охватило меня, когда я увидел эту маленькую дырочку в танке, которая убила весь экипаж. Результат так называемого кумулятивного снаряда, русского снаряда. Чувство вины осталось во мне, и вернувшись после летней поездки по Европе, я решил собрать семинар из разных специалистов приехавший из России, и постараться найти, как можно с этим снарядом бороться. Так сказать “противоядие”. Семинар был создан. Он проходил в моем офисе примерно раз в 2 недели. Кто знает наш кампус, это

было здание Каплун, и офисы там больших размеров. В новом здании Shreiber они малюсенькие. Я делил этот большой офис с Моше Ярденом (Jarden), но к вечеру он уезжал, и весь офис был мой. Со всего Израиля съезжались специалисты во всех областях науки и технологии, русские эмигранты последних двух лет. Отклик на мой призыв был неожиданно большим. Человек 15-20 сидело в офисе. Люди приезжали со всех концов Израиля. Все хотели помочь. Я помню хорошо два близких мне человека. Это физик Элизер Гутманас из Техниона и Григорий Сивашинский из нашего департамента. Сивашинский был ещё очень молодым тогда, моложе меня. Гутманас тоже эмигрировал из Черноголовки, прямо после нас. Он по происхождению из Литвы, и понимал что-то в еврейских традициях, что нельзя было сказать о нас. Поэтому всё время нашего отказа в эмиграции, он помогал нам, и вводил в еврейские традиции. Мы встречались первые года после их эмиграции. Но потом все были заняты собой. Я с ужасом узнал, что недавно, меньше года назад, он погиб в своём офисе от несчастного случая во время какого-то эксперимента. Он уже был на пенсии, конечно же полный профессор Техниона. Замечательнейшая семья!

Сивашинский уже тогда, в 75 году был замечательным специалистом в прикладной математике, и точнее, в теории горения (Combustion). Мы увидим, что это сыграло важную роль в нашей находке. Впоследствии, он превратился в одного из центральных специалистов в этих вопросах в мире.

Иногда на семинар заходил Воронель, и много других физиков.

Наше знание о предмете было нулевым. Однако через полгода мы уже знали всё о кумулятивном снаряде, как он

работает и как поражает танк и убивает экипаж. Надо понимать, что информация эта не была совсем открытой, и её надо было собирать по кусочкам. Но мы собрали этот пазл. Среди нас нашлись специалисты во всех необходимых направлениях. Я отвлекусь, для того чтобы сравнить информационные возможности 45 лет назад и сегодня. Я только что открыл Google, написал там “кумулятивный снаряд”, и получил немедленно всю информацию, которую мы собирали тогда полгода, и даже больше деталей. Вот цитата из Google (я объясню то же самое после цитаты своими словами): «Кумулятивный эффект, эффект Манро ([англ. Munroe effect](#)) — усиление действия взрыва путём его концентрации в заданном направлении, достигаемое применением заряда с конической выемкой, основание которой обращено в сторону поражаемого объекта. Поверхность заряда со стороны выемки покрывается металлической облицовкой, толщина которой варьируется от долей миллиметра до нескольких миллиметров.

Кумулятивная струя: После взрыва капсюля-детонатора заряда, возникает детонационная волна, которая перемещается вдоль оси заряда. Волна, распространяясь к облицовке поверхности конуса, схлопывает её в радиальном направлении, при этом в результате соударения частей облицовки давление в ней резко возрастает. Давление продуктов взрыва, достигающее порядка 10^{10} Па (10^5 кгс/см²), значительно превосходит предел текучести металла, поэтому движение металлической облицовки под действием продуктов взрыва подобно течению жидкости, которое, однако, обусловлено не плавлением, а пластической деформацией. Поскольку при встрече кумулятивной струи с бронёй развивается очень высокое давление, на один-два порядка превосходящее предел прочности металлов, то струя

взаимодействует с бронёй в соответствии с законами гидродинамики, то есть при соударении они ведут себя как идеальные жидкости. Прочность брони в её традиционном понимании в этом случае практически не играет роли, а на первое место выходят показатели плотности и толщины бронирования.

Теоретическая пробивная способность кумулятивных снарядов пропорциональна длине кумулятивной струи

Поражение защищённой цели достигается действием короткой кумулятивной струи небольшого диаметра, создающей давление в несколько тонн на квадратный сантиметр (что превышает предел текучести металлов) и пробивающей небольшое отверстие около 8 мм в броне

При попадании на боекомплект танка осколков и каплей от пробитой брони возможно его воспламенение и детонация с разрушением бронемашины».

Теперь я объясню коротко и своими словами то, что написано выше. Итак, что находится внутри оболочки кумулятивного снаряда и приводит к его необычному действию. Во-первых, это острый конус, у которого остриё направлено “назад”, то есть к тому, кто стреляет, к “нам”. Он сделан из очень тонкого металла. После него идёт взрывчатка. Она заполняет пространство между конусом и нами (внутри снаряда, конечно). Когда она взрывается, происходит огромное давление на конус, и он схлопывается. Для простоты, давайте думать о двумерной картинке. Тогда у нас треугольник, острием направленный к нам. при давлении оказываемым на него взрывом, металл, из которого сделаны стороны треугольника, ведёт себя как жидкость. Столь велико давление. Так что схлопывание треугольника означает

фактически столкновение двух струй. Это уже гидродинамика, и то, что происходит, хорошо изучалось.

Большая часть материала этих струй идёт назад, в сторону, где угол тупой. И лишь маленькая её часть двигается вперёд, к цели. Однако, в силу третьего закона Ньютона, она будет двигаться соответственно намного быстрее, для создания баланса с намного большей массой, уходящей к нам. В итоге создаётся невероятно большая скорость, свыше 10 км в секунду (эта струя долетела бы из Иерусалима до Тель-Авива за 5 секунд!). При такой скорости, струя входит в металл, как наш палец вошёл бы в тёплое масло. Давление столь невероятно большое. Однако при продвижении в металле, струя исчезает. Длина её прохода примерно равна её длине. Это где-то между 70 и 90 см (по моей памяти). В силу технических причин, связанных со снарядом, удлинить этот интервал нельзя. Если струя заканчивается внутри брони, то экипаж может и не знать, что в него попал этот снаряд. Но если он вошел вовнутрь, то брызги раскаленного металла найдут взрывчатку в танке, её слишком много там, и он взорвется изнутри. Так что надо увеличивать броню танка. Но это невозможно из-за веса. Каждый лишний сантиметр брони добавляет к весу сотни килограмм. (Отвлекаясь, я скажу, что танк Меркава весит 50 тонн, и его мотор в состоянии вести его всего 100 часов, после чего его надо менять.)

Я должен сказать, что в Википедии нет описания возможной защиты против кумулятивного снаряда. Хотя оно уже не секретно и широко известно. Мы нашли его на нашем семинаре. Хотя, скорее всего, оно было найдено независимо израильскими инженерами, работающими над Меркавой. Я также думаю, что если бы 45 лет назад мы могли бы получить

всю информацию за один день, как это можно сегодня, мы бы не вошли в эту проблему достаточно глубоко, и могли бы не найти решения. Время нужно для адаптации знания и приобретения интуиции.

Итак, о решении. Однажды, после семинара, Гриша Сивашинский подошел ко мне и сказал: "Ты знаешь, Виталий, воздух сопротивляется этой струе почти так же, как и броня. Я посчитал, что один метр воздуха сопротивляется кумулятивной струе как 30см стали". Всё, это было решение. Мы не знали, что Израиль строит новый танк, но было очевидно, как защитить старые танки: обставить его снаружи канистрами с водой, едой, да и просто пустыми. Кумулятивный снаряд коснется их, сдетонирует, и даже 50-60 см пустоты до брони добавит необходимые 20 см к броне защиты. А там тогда не хватало не больше 10 см.

Мы попросили Юваля Неэмана помочь нам связаться с экспертами из Армии. Он хорошо знал всех высших офицеров армии, и на семинар пришёл один из ответственных за танки офицеров. Я ничего не понимал тогда в армейских различиях, но думаю, что это был уровень подполковника (хотя, возможно, он был в гражданской одежде; не помню). Я сделал доклад о нашем понимании и предложениях. Конечно, мой иврит не был достаточен, но другие участники помогали мне с языком. Человек сидел молча и не произнес ни слова. Когда я кончил, он сказал спасибо и стал уходить. Я пошел провожать его, и сказал, что были и другие предложения (одно из очень интересных Гутманаса), которые могут оказаться полезными (что правда), и что никому из нас ничего не надо. Мы просто чувствовали свою ответственность, мы приехали оттуда откуда пришли эти снаряды. Он слушал, но ничего не сказал. Я пригласил его

посещать иногда наш семинар. Он не отреагировал. Я понимаю, что он не мог реагировать. Если они уже знали об этом эффекте, и использовали его в построении нового танка, он растерялся и не знал как реагировать. Если они этого еще не обнаружили, но он понял важность открытия, то он опять таки не знал как реагировать. Но всё равно, я был очень разочарован, и больше не созывал семинар. Хотя ко мне звонили и просили, чтобы я его продолжил. (Я скажу это грубо: Я как-то не люблю заниматься онанизмом).

Очень важное послесловие. Впоследствии, во время милуимов, я служил в танковых частях. Водителем грузовиков в роте обслуживания и ремонта танков. В наши обязанности входило чинить их прямо во время боя. Мои офицеры всё знали о танках. Когда я рассказал им (в 1981 году) о том, что мы когда-то нашли, они ответили, что где-то в 1978-1979 годах делали опыты по проверке этого факта (но они не были в группе создания танков, и могли не знать, когда этот эффект был найден). В 1981 году уже было объявлено о новом, созданном Израилем танке. Однако я увидел его и понял, что эта наша идея внутри, только на войне в Ливане в 1982 году. Я увидел металлические цепи, спускающиеся с самых удалённых точек танка и прикрывающие тонкую “талию” танка. Когда кумулятивный снаряд касался этой цепи, он срабатывал, но до брони было ещё 1,5 - 2 м воздуха. Я узнал также, что в самой броне танка есть воздушные интервалы, что уменьшает его вес, не уменьшая защиту. К концу войны в Ливане я узнал, что ни один израильский танк не был уничтожен кумулятивными снарядами. Ни один наш танкист от них не пострадал. Это было высшее удовлетворение, которое я мог только испытывать. И было совершенно не важно, мы обнаружили этот

эффект, либо его нашли независимо. Я был счастлив, и продолжаю радоваться тому семинару.

Милуим в Хевроне (Май, 1977)

Это был мой самый тяжёлый милуим, тяжелей войны в Ливане. Это были патрули по району Хеврона . Каждый патруль (я был всегда шофером) длился 12 часов, с 6 до 6. Три - четыре раза в неделю ночные (то есть, с 6 вечера до 6 утра), а оставшиеся дни - дневные. Но это было и наиболее интересное время в армии. Наш участок был от Вифлеема до перекрёстка на Арад, а также сам город Хеврон. время было задолго до первых “интифад”, можно сказать почти спокойное. какие-то акты террора были до 17 Мая. В этот день происходили выборы в Израиле, и впервые партия вода проиграла и выиграл Бегин. (так называемый “маапах” - переворот). Это оказалось также сменой идеологии Израиля, с левой на правую. Одно смешное личное наблюдение: по-видимому арабы боялись Бегина, он очень резко говорил; и поэтому, после выборов, арабы в разговорах пытались сказать нам, что они очень уважают Бегина. И даже небольших попыток террора не было после 17 Мая во время моего милуима (я был там месяц, и 17 Мая было примерно посередине). Во время дневных патрулей, мы посещали очень интересные места. например, знаменитый дуб Авраама. Традиция говорит, что Авраам своей семьёй, отдыхал в тени этого дуба по дороге из Вифлеема в Хеврон, то есть порядка пяти тысяч лет назад. над этим Можно смеяться, пока его не увидишь. А увидев, уже не будешь смеяться, будешь верить. я описал его устройство в конце Введения к “I am 80 To-Day” . Я назвал это легендой о старом дубе. Кроме этого, в совершенно недоступных не на джипах местах в пустыне, мы видели остатки древних

синагог византийского периода с великолепными хорошо сохранившимися мозаиками. Пол был покрыт ими, стен уже не было.

Но мой главный рассказ об этом милуиме, в его последнем дне. Однако для этого я должен рассказать об ещё одной нашей обязанности, кроме патрулей. В центре Хеврона на холме стоит трехэтажное здание полиции Хеврона. Это арабская полиция. Время было до интифад, и у нас было нормальное сотрудничество с полицией. Примерно раз в неделю, я должен был дежурить на крыше этого здания (с ещё двумя - тремя солдатами). С этой крыши открывался вид на абсолютно весь Хеврон. Мы наблюдали за городом с утра до вечера, а затем нас перевозили в здание хадасы. Это было большое здание, одноэтажное, но с полуподвальным большим помещением, которое было тогда пустым. До 1929 года это было еврейское здание, больница, в которой жил врач со своей семьёй. Но во время погрома 24 августа 1929 года, когда арабы убили в Хевроне 69 евреев, это здание перешло к арабам. Врача, его жену и старшую дочь убили, но две совсем маленькие девочки, пяти и трёх лет, спаслись, хотя трёхлетней разбили голову и она осталась калекой. Мать успела спрятать пятилетнюю дочь. После шестидневной войны, евреи хотели вернуться жить там, но Израильское правительство не позволяло. Размышления о том, должны ли евреи жить в центре Хеврона, был (и есть) политической дискуссией. Евреи основали городок Кирият Арба около пещеры Патриархов (также называемая *пещера Махпелá*), но заселение здания хадасы произошло много лет спустя. А тогда мы охраняли его как от арабов, так и от евреев.

Проводить ночь в этом здании была пренеприятнейшая задача. Все стёкла были выбиты, хотя

на огромных окнах были решётки. В огромном холле в полной темноте, находились те из нас, кто должен был бодрствовать (дежурные), а те, кто в это время отдыхал, то есть спал, находился в маленькой соседней комнатке, где горела тусклая лампочка, а окно было закрыто газетой, чтобы в нас не могли прицельно стрелять, либо бросить гранату. Мы сменялись через каждые 2 часа. По периметру хадасы извне проходил карниз, и я честно обходил его по периметру. Кажется, я был единственный, кто делал это. Дежурство не было ни лёгким, ни приятным. У одного из наших солдат (не на моём дежурстве) случилась истерика страха. Он кричал не переставая всё время, пока его оттуда не забрали. Это был уже медицинский случай.

Теперь я готов вернуться к последнему дню милуима. Месяц кончился, и на завтра мы отправлялись домой. Все ребята, сабры, были совсем молодые, до 30. Ну а я, Оле Хадаш (то есть эмигрант), уже почти 38. Они очень хотели устроить прощальную партию, что не было важно для меня. И я добровольно согласился провести весь день на крыше полиции и затем в хадасе. Я стоял там с автоматом и смотрел вокруг. Ничего особенного, всё уже слишком привычно. Хотя какой-то необычный кортеж из нескольких больших легковых машин привлёк моё внимание. Но ничего не произошло и я о нём забыл. Прошло два - три месяца, и я отправился на месяц в Америку. Это был мой первый визит в Соединенные Штаты. Я думаю, это был Иллинойс. Конечно же было страшно тоскливо, и по вечерам только TV скрадывал одиночество. И вдруг, в программке, я вижу часовую передачу “Израиль и территории” (возможно, она называлась чуть-чуть иначе). Я конечно обрадовался и открыл её. Это была одна из трёх главных компаний новостей. Кажется, NBC. (Не ABC, в этом я уверен).

Идёт передача о территориях, занятых Израилем в шестидневную войну, и, в основном, обсуждают, что на территориях сейчас очень спокойно. Я вижу разъезжающие патрули ровно там, где и я ездил. Даже некоторые офицеры были моими офицерами, то есть снимали просто следующую группу милуимов, после нас. Некоторые сцены были очевидно фальшивые. Я то знаю, как всё должно быть. Снимали у себя на студии. И вот подходят последние кадры. Я вижу Хеврон и здание полиции, камера направляется вверх, на крышу полиции, на ней стоит солдат с автоматом и диктор произносит: “ На территориях спокойно, но над всем этим стоит Израильский солдат”. Камера фиксируется на этом солдате, и я узнаю себя.

Немного о войне в Ливане (Июнь, 1982)

Моё участие в ливанской войне описано в журнале “Время и Мы” за сентябрь-октябрь 1982 года, в статье “Как это было”. На самом деле это было интервью, которое брал у меня мой товарищ, журналист, создатель этого журнала Перельман. Я вернулся с фронта 12 Июля, 1982 года. Мой отец умер ночью накануне, и я не знал что это произошло. Я знал, что он очень тяжело болен, и думал успеть его увидеть. Через полтора месяца, я полетел в Америку, чтобы постараться забыть войну, и вернуться к математике. Эмоциональное состояние было всё ещё очень тяжёлым. Ночами, когда наступала тишина, я не мог заснуть. Картины войны вертелись в голове. Это продолжалось, на самом деле, 8-9 месяцев. Но всё же в Америке, в атмосфере математики, мне было легче, и возвращение действительно пришло, и было даже очень успешным. это тоже описано в “Сегодня мне

70". Обе эти статьи я опубликовал в сборнике "Notes from my Life".

Интервью о войне происходило в Нью-Йорке. Конечно же, вспоминая то время сегодня, почти 40 лет спустя, многое выглядит иначе. Но я не собираюсь переделывать историю в этом рассказе. Я просто вспомню две истории, даже мало связанные собственно с войной.

Ливанские кедры.

Этот кедр зафиксирован на флаге Ливана. Так что все представляют как он выглядит. Однако чем замечательно это дерево настолько, что попала на флаг? Оно живёт много сотен лет. И первый же вопрос, как это может быть. Ведь в жарком климате Ливана, очень часто происходят лесные пожары, и не может пройти столь длинный период времени без пожара, в котором всё сгорает. Легенда утверждает, что эти кедры не горят. Пожары не трогают кедры. Я наблюдал это своими глазами.

Моя рота расположилась на Северном склоне очень узкого и глубокого ущелья. Противоположная, южная сторона была вся зеленая. Это был лес. Те, кто стреляли в нас, находились севернее от нас, и их снаряды попадали на Южную сторону ущелья. Стояло невероятно жаркое и сухое лето. Температура днем почти что не опускалась ниже 40. И какой-то снаряд поджёг лес по другую сторону ущелья. Слабый ветер дул с востока, и огонь двигался по южной стороне на запад. Так продолжалось два либо три дня. Постепенно всё на другой стороне становилось чёрным. И вдруг ветер сменил направление, и подул в противоположную сторону. На наших глаза огонь потух, но километры влево от линии, где огонь остановился, всё было чёрным. Утром я проснулся, и увидел чудо: вся земля

напротив снова была зелёной! Шишки кедров очень большие и плотные. И огонь нужен им. После нахождения в огне, они раскрываются, и семена распространяются по ветру. Огонь инициирует раскрытие шишек. Да и на самих кедрах кора чрезвычайно плотная, по-видимому, огнезащитная. И кедровые сразу распускают новые листочки вместо сгоревших. Они ждут огонь чтобы продолжить жизнь. Я знал это в теории, но это потрясает, когда видишь.

Встреча с американскими журналистами

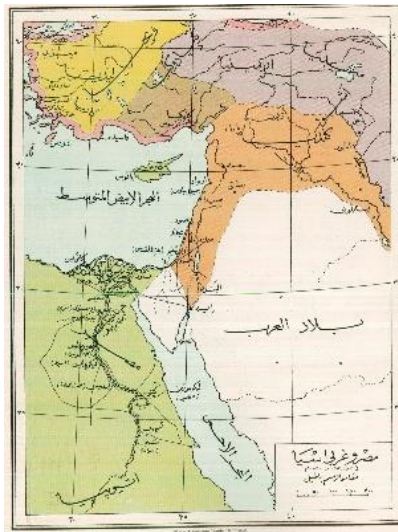
Нашу роту разделили на две части. Одна стояла прямо у входа в город Дамур на автостраде Сидон - Бейрут (примерно 10 км южнее Бейрута), а другая порядка 15-20 км от Бейрута на дороге Бейрут - Дамаск. Я должен был часто ездить между этими двумя местами, но моё основное место было около Дамура. Не каждый день на войне стреляют, даже чаще не стреляют. Но однажды в день, когда стреляли без перерыва Катюши, пушки, всё должен был везти что-то в нашу вторую часть, превратившуюся в главную. Мы быстро доехали до Бейрута, но там нас остановил военный патруль. Смешная часть нашего разговора состояла в том, что они были новички здесь, и потребовали у нас разрешение на проезд. мы изумились это было что-то новое. но я нашёл, Я сказал им: " Какое разрешение, это наш дом, мы живём здесь". Как-то эта реакция их сразу убедила, и они попросили нас взять за собой другую машину, которая не знала, куда ехать. В той машине два наших офицера везли американских журналистов в штаб. Я и сам не знал где этот штаб, но он был за положением нашей части, и я мог довести их туда, к нашему командиру. Среди журналистов был один чрезвычайно известный. Невысокого роста совершенно рыжий человек, я думаю, главный подаватель

новостей в ABC. Я проверил позже, что это было Тэд Копел (Ted Koppel) .

Дорога, кстати, не была шоссе. Она шла по пересеченной местности, плохая, поднималась понемногу в гору и имела много ответвлений. Так что можно было легко запутаться. Хотя бы, спасибо, была асфальтированная. С холма можно было видеть аэропорт Бейрута, и по нам артиллерийские орудия стреляли, в основном, оттуда. Ещё один смешной момент этой поездки. Тот самый военный патруль (“новички”) потребовал от нас одеть защитный жилет и каску. Конечно, они были правы, но конечно же, мы уже давно не знали, где они у нас лежат. Порывшись нашли один комплект. Мы обязаны были ехать, мы везли важные запасные части. Так что мы разделили наш комплект. Решение было, что мне больше важна голова, и я беру каску, а моему молодому напарнику важнее тело, и он возьмёт защитный жилет. Патрулю осталось только согласиться, и мы поехали. Под артиллерийскую канонаду мы доехали до нашей части. Расположение нашей роты здесь было великолепным. Мы занимали заброшенную огромную виллу на холме, солдаты заняли плоскую крышу. Мы видели с этой крыши весь Бейрут и его порт. Наилучшее обозрение. Командир разрешил журналистам (то-есть Корпел) подойти к краю крыши, и “наслаждаться” видом, то есть активной войной. С нашего наблюдательного пункта было хорошо видно, как взрываются снаряды в районе аэропорта принадлежащего Арафату, и как артиллерия Арафата обстреливает районы Бейрута, ему не принадлежавшие, то-есть христианские районы. Корпел напряженно разглядывал только обстреливаемую часть палестинских террористов, район аэропорта. Он совершенно не глядел на покрываемые вспышками взрывов христианские районы, которые были населены, в основном, мирными

жителями. Я не выдержал и сказал ему это. Я также добавил, что их информация почти всегда и почти полностью искажена. Он спросил, что я имею в виду. Чтобы понять мой ответ, я должен отвлечься и рассказать, как освещалось в Америке египетско-израильское мирное соглашение. Где-то в 80-81 годах происходила реализация этих соглашений, и многое происходящее очень болело.

Мы отдавали Синай Египту как-то плохо. Вместо того, чтобы отдавать его как сулха, отдавали как воров, как что-то награбленное. Но Синай не был египетским исторически. Сегодня никто и не знает об этом. Вот официальная карта Египта, опубликованная парламентом Египта в 1926 года

(from Wikipedia: This 1926 map shows Egypt and West Asia, and though in Arabic, is very interesting in its naming. The labels over Egypt are very interesting, with Coptic and Pharaonic names alongside the Arabic. To name a few: to the slight south of Cairo lies the Ancient Egyptian capital of 'Memphis', to its Northeast is 'Heliopolis', Fayoum is labelled for its Ptolemaic capital 'Arsenoy', and Assiut is labelled with its ancient name 'Lycopolis').

Как вы видите, Египту принадлежит очень малая часть Синая, к северу от линии Газа - Суэцкий канал (зелёный цвет на карте), а вся территория южнее этой линии (белый цвет) - не египетская. У этой карты интересная история. Англичане хотели отдать Египту весь Синай. Но до Первой мировой войны Синай принадлежал Османской империи, и затем Турции (в сегодняшней терминологии). Мусульманский Египет не хотел ссориться с мусульманской Турцией, и не хотел брать себе территории, которые принадлежали ей ранее. Затем и опубликовали эту карту, чтобы подчеркнуть, что у них нет претензий на эти земли. При образовании государства Израиль, они уже владели Синаем, чтобы иметь границу для атаки Израиля.

Возвращаясь в 80 - 81 года, передача Синая Египту была болезненна. Либеральная американская медиа пыталась уговорить американский народ (да и нас, израильтян), что всё более чем справедливо, и ни на какие жертвы Израиль не идёт. Так себе, отдаёт "украденное". И они придумали трюк. Любая передача о египетско-израильском соглашении сопровождалась картинкой двух карт, Египта с Синаем и Израиля без Синая. При этом масштабы менялись так, чтобы обе карты выглядели примерно одинаковыми. Так что выходило, что после передачи Синая Египту, Израиль превратился в страну такого же размера как новый Египет!

Так вот, я напомнил Koppel (журналисту из ABC) эту картинку, и спросил, какой процент американцев знает истинные размеры наших двух стран, наберется ли хотя бы 5%? Он смутился, и ответил, что и вправду, 5% не наберётся. Так что, по крайней мере, мы поняли друг друга.

Многое, из того что написано в этой книге, обладает определенным эмоциональным накалом. Я хочу снять его в конце. Поэтому я заканчиваю эту книжку одной шуточной историей.

Одна шуточная история

Вначале я напому одну интересную историю, рассказанную Колмогоровым, о том, как он выбрал профессию математика.

Школьником он увлекался историей, и обнаружил нечто интересное в истории своего городка. Он изучал архивы, понял что-то и написал об этом статью. В публикации статьи ему было отказано. В письме к Колмогорову об отказе было написано, что в журналах по истории необходимо предоставить три, но уж по крайней мере два доказательства утверждения, сделанного в статье. А он предоставил только одно доказательство. И Колмогоров продолжает, что тогда он решил выбрать своей профессией математику, в которой одного доказательства достаточно.

Вспомнив эту историю, я хочу привести два доказательства того, что я потомок знаменитого рабби “Шелах хакадош” (SheLah Hakadosh), похороненного в Тверии в 1630 году (tomb of Maimonides in Tiberias). Я описал эту нашу родословную в статье “Давид Мильман” в книге “Короткие истории”. Но никаких “доказательств” я там не приводил. Они следуют сейчас, ниже.

По причинам, которые будут ясны, я не буду называть имена вовлеченных людей.

Итак, первое доказательство. Один из моих друзей и коллег очень религиозный ортодоксальный еврей; назовем его Е. Однажды мы были приглашены к нему на обед. К тому времени мы были очень хорошо знакомых уже лет 20. Во время обеда, просто чтобы поддержать разговор, я рассказал о том, что я потомок Шелах хакадош. Е выслушал, но не отреагировал. Я подумал, что он не поверил. Однако, уже на следующей день он нашел меня, принёс мне странички со знаменитыми высказываниями Шелах хакадош (которые можно повесить на холодильник) и сказал, что да, это правда, и я его потомок. Оказывается, он сегодня утром рассказал это своему рабби, и рабби воскликнул, что это правда. Этот день был днём памяти Шелах хакадош, и тысячи машин из Бнэй-Брака отправляются в Тверию на его могилу. “Ты знаешь его 20 лет, но узнал об этом в точности в вечер памяти Шелах хакадош. Такие совпадения не случайны”.

Теперь второе доказательство. Мой другой очень хороший знакомый, французский ортодоксальный еврей (назовем его Х), однажды пригласил нас в ресторан в Париже. Это произошло впервые, возможно, за 30 лет нашего знакомства. Х заехал за нами на машине, и мы поехали в ресторан. Опять-таки просто так, чтобы поддержать разговор, я сказал Х, что я потомок Шелах хакадош. Мне показалось, что Х резко нажал на тормоз (но, возможно, причина была другой), и Х сказал: “Виталий, я как раз закончил читать его книгу. И она у меня тут, в машине! Такое совпадение, ты никогда не говорил этого”. Я закончил свое второе доказательство. Есть еще одно, но, я думаю, в нём уже нет надобности.

